

РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ*

КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЭТАТИЗМА И
КОЛЛАПС СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

М. Кастельс, Э. Киселева

*Предлагаем Вашему вниманию перевод главы I из третьего тома монографии проф. М. Кастельса Information Age: Economy, Society and Culture. Vol I-III. Oxford: Blackwell Publishers. 1996-1998. Vol. III. End of Millennium. ****

Монография посвящена всестороннему анализу фундаментальных цивилизационных процессов, вызванных к жизни принципиально новой ролью в современном мире информационных технологий. Выводы автора основываются не только на анализе данных национальных и международных статистических учетов, вторичном анализе экономических и социологических исследований других ученых, но и на его собственных крупномасштабных изысканиях. М. Кастельс проводил исследования в США, Японии, Тайване, Южной Корее, Гонконге, Китае, Западной Европе (Англии, Франции), России. В итоге он сформулировал целостную теорию, которая позволяет оценить фундаментальные последствия воздействия революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности, на современный мир.

Любая незаурядная книга может быть осмыслена в различных контекстах, оценена с различных точек зрения. Для российского читателя, монография одного из самых авторитетных социальных мыслителей и исследователей современного мира проф. М. Кастельса может послужить путеводной нитью в выборе позиции относительно возможных траекторий развития России в ближайшие десятилетия.

В ближайшее время в издательстве «Высшая школа экономики» выйдет в свет на русском языке первый том этой монографии.

* Статьи данного раздела могут быть использованы в качестве учебных материалов к курсам: «Историческая социология» и «Социология переходных обществ»

**Эта глава, а также исследования и разработки, необходимые для нее, были подготовлены совместно с Э. Киселевой. Основных источников информации было два. Первый — это полевые исследования, которые я проводил между 1989 г и 1996 г. в Москве, Зеленограде, Ленинграде, Новосибирске, Тюмени, Хабаровске и на Сахалине в рамках исследовательских программ «Programa de Estudios Rusos» мадридского Universidad Autonoma de Madrid и «Pacific Rim Program» Калифорнийского университета, в сотрудничестве с Российской Социологической Ассоциацией, Институтом экономики промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии Наук и Центром перспективных социологических исследований Института проблем молодежи, Москва. Руководство четырьмя крупными исследовательскими проектами осуществлялось мной совместно с О. Шкартаном, В. Кулешовым, С. Наталушко, Э. Киселевой и А. Гранбергом. Конкретные ссылки на каждый проект даны в соответствующих сносках. Я благодарю своих русских коллег за их ценнейший вклад в мое понимание Советского Союза, но, разумеется, снимаю с них всякую ответственность за мои ошибки и мою интерпретацию наших результатов. Вторым источником информации, на которой основана эта глава, были документальные, библиографические и статистические данные, собранные и проанализированные Э. Киселевой. Я хочу также выразить признательность Т. Заславской, Г. Гроссману и Дж. Бреслауэру за тщательные и подробные замечания к первоначальному варианту этой главы.

*** Текст публикуется с согласия автора. ©Copyright. Manuel Castells. 1998

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

Когда Советский Союз будет производить 50 млн. тонн чугуна, 60 млн. тонн стали, 500 млн. тонн угля и 60 млн. тонн нефти, мы будем гарантированы от любых несчастий.

И. Сталин. Речь в феврале 1946 г. (1)

Противоречие между развитием производительных сил и растущими потребностями общества, с одной стороны, и все более устаревшими производственными отношениями старой системы управления экономикой, с другой стороны, стало очевидным в 1950-х годах, становясь острее с каждым годом. Консервативная структура экономики и тенденция к экстенсивным капиталовложениям вместе с отсталой системой управления экономикой постепенно превратились в тормоз и препятствие экономическому и социальному развитию страны.

А. Аганбегян. Экономический вызов перестройки (2, с. 49)

Мировая экономика является единым организмом, и ни одно государство, какова бы ни была его социальная система или экономический статус, не может нормально развиваться вне нее. Это ставит на повестку дня потребность изобрести совершенно новый механизм функционирования мировой экономики, новую структуру международного разделения труда. В то же время рост мировой экономики показывает противоречия и пределы, внутренне присущие традиционному типу индустриализации.

М. Горбачев Речь в ООН в 1998 г. (3, с.331)

Когда-нибудь мы поймем, что мы фактически единственная страна на Земле, которая пытается войти в двадцать первое столетие с устаревшей идеологией века девятнадцатого.

Б. Ельцин Мемуары. 1991.

Внезапный коллапс Советского Союза, и, вместе с ним, закат международного коммунистического движения ставит перед нами историческую загадку: почему в 80-х годах советские лидеры почувствовали настоятельную необходимость включиться в процесс перестройки настолько радикальной, что она, в конечном счете, привела к распаду Советского государства? В конце концов, Советский Союз был не только военной сверхдержавой, но и имел третью по величине индустриальную экономику в мире, был крупнейшим мировым производителем нефти, газа, редких металлов и единственной страной, которая была полностью обеспечена собственными энергетическими ресурсами и сырьем. Правда, симптомы серьезных экономических дефектов признавались уже с начала 60-х годов, а начиная с 1971 г. происходило снижение темпов роста, которые в 1980 г. достигли нулевой отметки. Но западные экономики переживали тенденцию замедления роста производительности, а также негативный экономический рост в некоторые периоды последних двух десятилетий без таких катастрофических последствий. Советская технология, по-видимому, отстала в некоторых ключевых областях, но, в целом советская наука поддерживала свой превосходный уровень в фундаментальных сферах: математике, физике, химии, и только биология с некоторым трудом оправлялась после безумств Лысенко. Распространение этой научной мощи на технологическое обновление не казалось недостижимым, как демонстрировали успехи советской космической программы по сравнению с печальными результатами, показанными в 80-х годах НАСА. Сельское хозяйство по-прежнему оставалось в постоянном кризисе, и нехватка потребительских товаров была привычной, но экспорт энергии и сырья, по крайней мере, до 1986 г. обеспечивал валютный буфер для импорта, который поправлял дело, так что условия жизни советских граждан в середине 80-х годов были лучше, а не хуже, чем десятилетием раньше.

Более того, мощь Советской власти не оспаривалась всерьез ни на международной арене, ни внутри страны. Мир вошел в эру относительной стабильности в

признанных сферах влияния сверхдержав. За войну в Афганистане пришлось заплатить человеческими страданиями, ущербом для политического имиджа и военной гордости, но не в большей степени, чем Франции после алжирской войны или Соединенным Штатам после вьетнамской. Политическое диссидентство было ограничено маленькими интеллектуальными кружками, столь же уважаемыми, сколь изолированными; евреями, желающими эмигрировать, и кухонными сплетнями, в соответствии с глубоко укорененной русской традицией. Хотя было несколько примеров бунтов и забастовок, обычно связанных с нехваткой продовольствия и ростом цен, реальных социальных движений, о которых бы стоило говорить, не существовало. Угнетение национальностей и этнических меньшинств воспринималось с негодованием, а в балтийских республиках — с открытой враждебностью к русским, но такие чувства редко выражались в коллективных действиях или в квазиполитических проявлениях общественного мнения.

Люди были недовольны системой и выражали свой отход от нее разными способами: цинизм, мелкие кражи на работе, прогулы, самоубийства, широко распространенный алкоголизм. Но сталинистский террор давно угас, политические репрессии были ограничены и высоко избирательны, а идеологическая индоктринация стала скорее бюрократическим ритуалом, чем исполненной рвения инквизиторской обработкой. Ко времени, когда долгое брежневское правление преуспело в установлении в стране «нормальности» и скуки, люди научились справляться с системой, жить своей собственной жизнью, получая из нее, что можно, подальше от коридоров государственной власти. Хотя структурный кризис советского этагизма уже закипал в котлах истории, казалось, лишь немногие из акторов понимали это. Вторая русская революция, которая развалила советскую империю, положив конец одному из самых смелых и дорогостоящих человеческих экспериментов, является, может быть, единственным крупным историческим изменением, произведенным без вмешательства социальных движений и/или без большой войны. Государство, созданное Сталиным, казалось, запугало своих врагов и успешно уничтожило мятежный потенциал общества на долгое время вперед.

Покрывало исторической тайны становится еще более непроницаемым, когда мы рассматриваем процесс реформ при Горбачеве. Как и почему этот процесс вышел из-под контроля? В конце концов, в противоположность упрощенному образу, созданному западной прессой, Советский Союз, а до него — Россия, шли от «одной *перестройки* к другой», как озаглавил Ван Регемортер свой глубокий исторический анализ процесса реформ в России (4). От новой экономической политики 20-х годов до косыгинской реформы управления экономикой в конце 60-х, пройдя через драматическую сталинскую реструктуризацию 30-х годов и ревизионизм Хрущева в 50-х, Советский Союз прогрессировал/регрессировал прыжками и скачками, сделав чередование консервативной преемственности и реформ своей системной характеристикой. И в самом деле, то был специфический способ реагирования советской системы на проблему социального изменения, способ, необходимый для всех прочных политических систем. Однако, за серьезным исключением Сталина, способного постоянно и безжалостно переписывать правила игры в свою пользу, партийный аппарат всегда мог контролировать реформы в рамках системы, доходя, когда необходимо, до политических чисток и смены руководства. Как в конце 80-х годов могла такая опытная, хитрая партия, закаленная в бесконечной борьбе вокруг управляемых реформ, потерять политический контроль до того, что ей пришлось обратиться к отчаянному, торопливому государственному перевороту, который, в конечном счете, обусловил ее падение?

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

Моя гипотеза состоит в том, что кризис, который подтолкнул реформы Горбачева, отличался по своей исторической природе от предшествующих кризисов, и это различие сильно повлияло на сам процесс реформ, сделав его более рискованным и, со временем, неконтролируемым. Я считаю, что жесточайший кризис, который сотрясал основы советской экономики и общества, начиная с середины 70-х годов, был выражением структурной неспособности этатизма и советского варианта индустриализма обеспечить переход к информационному обществу.

Под этатизмом я понимаю социальную систему, организованную вокруг присвоения экономического излишка, произведенного в обществе, держателями власти в государственном аппарате, в противоположность капитализму, в котором излишек присваивается держателями контроля в экономических организациях. В то время как капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, этатизм ориентирован на максимизацию власти — т.е. на увеличение военной и идеологической способности государственного аппарата навязывать свои цели большему количеству подданных и на более глубоких уровнях их сознания. Под индустриализмом я понимаю способ развития, при котором главными источниками производительности являются количественный рост факторов производства (труда, капитала и природных ресурсов) вместе с использованием новых источников энергии. Под информационализмом я имею в виду способ развития, в котором главным источником производительности является качественная способность оптимизировать сочетание и использование факторов производства на основе знания и информации. Подъем информационализма неотделим от новой социальной структуры сетевого общества. Последняя четверть двадцатого столетия была отмечена переходом от индустриализма к информационализму в процессе, который сопутствовал информационно-технологической революции. В Советском Союзе этот переход потребовал мер, которые противоречили корыстным интересам государственной бюрократии и партийной *номенклатуры*. Понимая, насколько критически важным было обеспечение перехода системы на более высокий уровень производительных сил и технологической мощи, реформаторы, возглавляемые Горбачевым, чтобы преодолеть сопротивление *номенклатуры* изменениям, рискнули воззвать к обществу. *Гласность* заменила *ускорение* на передовых позициях *перестройки*. История показала, что как только русское общество вышло на открытую политическую арену, оно, поскольку его так долго угнетали, отказалось подчиняться заранее намеченной государственной политике, создало собственную политическую жизнь, и стало непредсказуемым и неконтролируемым. Это то, что Горбачев, вслед за Столыпиным, обнаружил еще раз, на свою беду.

Более того, открытие способов выражения политической воли для советского общества в целом освободило сдерживаемое давление национальных идентичностей, искаженных, подавленных и манипулируемых при сталинизме. Поиск источников идентичности, отличающихся от тусклейшей коммунистической идеологии, вызвал трещины в еще хрупкой советской идентичности, подорвав Советское государство. Национализм, включая русский национализм, стал самым острым выражением конфликтов между обществом и государством. Это был непосредственный политический фактор, который привел к распаду Советского Союза.

У корней кризиса, который индуцировал *перестройку* и привел в действие национализм, лежала неспособность советского этатизма обеспечить переход к новой информациональной парадигме, параллельный процессу, который имел место в остальном мире. Это едва ли можно назвать оригинальной гипотезой. На самом деле, это применение, с неким ироническим вывертом, старой марксистской идеи, согласно которой конкретные социальные системы могут застопорить развитие произ-

водительных сил. Я надеюсь, что «добавленная стоимость» анализа, предложенного вниманию читателя на следующих страницах, будет состоять в его специфичности. Почему этатизм оказался структурно неспособным провести необходимую реструктуризацию, чтобы приспособиться к информационализму? Конечно, это не вина государства, *per se*. Японское государство и за пределами Японского моря — государство развития, происхождение и победа которого были решающими инструментами в продвижении технологических инноваций и глобальной конкурентоспособности, а также в превращении вполне традиционных культур в развитые информационные общества. Разумеется, этатизм не эквивалентен государственному интервенционизму. Этатизм является специфической социальной системой, ориентированной на максимизацию государственной власти, в то время как накопление капитала и социальная легитимность подчинены этой всеобъемлющей цели. Советский коммунизм (как и все коммунистические системы) был построен для обеспечения тотального контроля партии над государством и государства над обществом через двойные рычаги централизованного планирования экономики и марксистско-ленинистской идеологии, навязываемой строго контролируемым культурным аппаратом. Именно эта специфическая система, а не государство вообще, оказалась неспособной провести свой корабль через штормовые воды исторического перехода от индустриализма к информационализму. «Почему», «как» и «если» этого утверждения составят содержание этой работы.

Экстенсивная модель экономического роста и пределы гипериндустриализма

Мы так привыкли в последние годы к снижению показателей советской экономики, что часто забываем, что в течение долгого периода времени, особенно в 50-х и до конца 60-х годов, советский ВВП рос в общем быстрее, чем в большей части остального мира, хотя ценой пугающих человеческих потерь и ущерба для природной среды.* Разумеется, советская официальная статистика грубо переоценивала темпы роста, особенно в 30-х годах. Важная статистическая работа Г.И. Ханина (11),** полностью признанная только в 90-е годы, по-видимому, указывает, что советский национальный доход между 1928 г. и 1987 г. вырос не в 89,5 раз, как заставляет нас верить советская статистика, а в 6,9 раза. И все же, по собственным расчетам Ханина (которые мы должны считать нижним пределом в диапазоне оценок: см. табл. 1-3 и рис. 1 и 2), среднегодовой рост советского национального дохода составлял в период 1928-1940 гг. 3,2%, в 1950 - 1960 гг. - 7,2 %, в 1960-1965 гг. - 4,4%, в 1965-1970 гг. - 4,1% и в 1970-1975 гг. — 3,2%. После 1975 г. установилась квазистагнация, и в период 1980-1982 гг. и после 1987 г. рост стал отрицательным.

Однако в целом и на протяжении большей части существования Советского Союза его экономический рост был быстрее, чем на Западе, а темпы индустриализации были одними из быстрых в мировой истории.

* Среди прочих работ см.:(5-9). Вопросы статистической точности при анализе советской экономики см. (10).

** Г.И. Ханин много лет проработал в Институте экономики промышленного производства Сибирского отделения АН СССР В дополнение к цитируемому материалу, в общем соответствующему его докторской диссертации, он много публиковался в журнале вышеупомянутого Института «ЭКО» (см., например, №4 1989, №1 1990, №2 1991). На английском языке систематическую оценку решающего вклада Ханина в экономическую статистику Советского Союза см.: (12, с. 141-167).

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

Таблица 1

Рост национального дохода СССР, 1928-1987 гг.:
альтернативные оценки (изменения за период, % в год)

Период	ЦСУ	ЦРУ	Ханин
1928-1940	13,9	6,1	3,2*
1940-1950	4,8	2,0	1,6*
1928-1950	10,1	4,2	2,5
1950-1960	10,2	5,2	7,2
1960-1965	6,5	4,8	4,4
1965-1970	7,7	4,9	4,1
1970-1975	5,7	3,0	3,2
1975-1980	4,2	1,9	1,0
1980-1985	3,5	1,8	0,6
1985-1987	3,0	2,7	2,0
1950-1987	6,6	3,8	3,8
1928-1987	7,9	3,9	3,3

* 1928-1941 гг.

**1941-1950 гг.

Источник: Harrison M. Soviet Economic growth since 1928: the alternative statistics of G.I. Khanin. Europe-Asia Studies, 1993 P 146. (Составлено М. Харрисоном из следующих источников: ЦСУ; Ханин Г.И. Экономический рост в СССР в 80-е годы // ЭКО, 1991, № 5; данные ЦРУ: CIA, Directorate of Intelligence. Measures of Soviet GNP: in 1982 Prices, Washington, DC: CIA. 1990).

Кроме того, результаты системы нужно оценивать в соответствии с ее собственными целями. С этой точки зрения Советский Союз в течение половины столетия продемонстрировал экстраординарные успехи. Если мы забудем (а можно ли забыть?) десятки миллионов человек (60 млн.?), которые умерли в результате революции, войны, голода, принудительного труда, депортаций и казней; о разрушении национальных культур, истории и традиций (в России и в других республиках одинаково); систематическое нарушение прав человека и политической свободы; массовую деградацию почти нетронутой прежде природной среды; милитаризацию экономики и индоктринацию общества, если на одно аналитическое мгновение мы сможем смотреть на исторический процесс глазами большевиков, можно только удивляться героическим масштабам коммунистической саги. В 1917 г. большевики были горсткой профессиональных революционеров, представляющих собой фракцию меньшинства в социалистическом движении, которое само по себе было только частью более широкого демократического движения, которое произвело февральскую революцию 1917 г. почти исключительно в крупных городах страны, население которой на 84% было сельским (13-18). Однако они оказались способны не только захватить власть в Октябрьском перевороте, уничтожив конкуренцию всех политических сил, но и выиграть ожесточенную революционную войну против остатков царской армии (Белой гвардии) и иностранных экспедиционных сил. В этом процессе они также ликвидировали анархистскую крестьянскую армию Махно и революционных моряков Кронштадта. Более того, несмотря на узкую социальную базу в малочисленном городском индустриальном пролетариате, в союзе только с сотнями интеллигентов, большевики, несмотря на международную изоляцию, построили в рекордное время индустриализованную экономику, которая всего за два десятилетия стала достаточно развитой, чтобы обеспечить вооружения, способные раздавить нацистскую военную машину. В неустанной решимости победить капитализм, объединенной с отчасти понятной оборонной паранойей, Советский Союз, бедная, в общем-то, страна, сумел быстро стать ядерной державой, поддерживать стратегический военный паритет с Соединенными Штатами и опередить их в космической гонке в 1957 г., вызвав шок у

Таблица 2

**Выпуск и инфляция в экономике СССР, 1928-1990 гг.
(изменения за период, % в год)**

Период	Рост реального продукта			Инфляция (темпы роста оптовых цен)	
	Промышленность ЦСУ	Строительство	Национальный доход	Реальная	Скрытая
1928-1940	17,0		13,9	8,8	-
1940-1950	-	.	4,8	2,6	-
1950-1960	11,7	12,3*	10,2	-0,5	-
1960-1965	8,6	7,7	6,5	0,6	
1965-1970	8,5	7,0	7,7	1,9	-
1970-1975	7,4	7,0	5,7	0,0	-
1975-1980	4,4	-	4,2	-0,2	-
1980-1985	-	-	3,5	-	
1985-1987	-	-	3,0		
1928-1987	-	-	7,9	-	-
	Ханин				
1928-1941	10,9	-	3,2	18,5	8,9
1941-1950	-	-	1,6	5,9	3,2
1950-1960	8,5	8,4*	7,2	1,2	1,8
1960-1965	7,0	5,1	4,4	2,2	1,6
1965-1970	4,5	3,2	4,1	4,6	2,6
1970-1975	4,5	3,7	3,2	2,3	2,3
1975-1980	3,0	-	1,0	2,7	2,9
1980-1985	-	-	0,6	-	-
1985-1987	-	-	2,0	-	-
1928-1987	-	-	3,3	-	-
1980-1982	-	-	-2,0	-	-
1982-1988	-	-	1,8	-	-
1988-1990**	-	-	-4,6	-	-

* 1955-1960 гг.

** Предварительные данные.

Источник: Harrison M. Soviet Economic growth since 1928: the alternative statistics of G.I. Khanin. Europe-Asia Studies, 1993. P. 147 (Составлено М Харисоном на основании данных ЦСУ за 1928-1987 гг. Национальный доход рассчитан по: Ханин Г. И. Экономический рост в СССР в 80-е годы//ЭКО 1991 №5 С.85 Прочие показатели, рассчитаны по: Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР Новосибирск, Наука, 1991. С. 146 (промышленность), с 167 (строительство), с.206,212 (оптовые цены). Расчеты за 1980-1990 гг. произведены по: Ханин Г.И. Экономический рост в СССР в 80-е годы//ЭКО, 1991. №5).

западных правительств, которые верили в свою собственную мифологию о неспособности коммунизма построить развитую индустриальную экономику.

Такие бесспорные победы были достигнуты ценой необратимой деформации экономики (2). В основе советской экономической логики лежала система нисходящих приоритетов (1). Из сельского хозяйства выжимали продукцию, чтобы субсидировать промышленность и кормить города, и черпали трудовые ресурсы, чтобы получить промышленных рабочих (19). Потребительские товары, жилье и услуги должны были уступить приоритет основным фондам и добыче сырья, чтобы социализм мог быстро достичь самообеспечения по всем необходимым производственным линиям. Сама тяжелая промышленность была поставлена на службу военного индустриального производства, поскольку военная мощь была конечной целью режима и краеугольным камнем этатизма. Ленинско-сталинская логика, которая рассматривала голую силу как *raison d'etre* государства — в конечном счете, всех государств — пронизывала всю институциональную организацию советской экономики и отражалась во всей истории Советского Союза в различных идеологических формах.

Чтобы утвердить такие приоритеты в жесточайших условиях, «поставить политику

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

Таблица 3

Выпуск и производительность в экономике СССР, 1928-1990 гг.
(изменения за период, % за год)

Период	Основные фонды	Производительность капитала ЦСУ	Выпуск на одного рабочего	Материалоёмкость
1928-1940	8,7	4,8	11,9	-0,3
1940-1950	1,0	3,1	4,1	-0,2
1950-1960	9,4	0,8	8,0	-0,5
1960-1965	9,7	-3,0	6,0	-0,2
1965-1970	8,2	-0,4	6,8	-0,4
1970-1975	8,7	-2,7	4,6	0,6
1975-1980	7,4	-2,7	3,4	0,0
1980-1985	6,5	-3,0	3,0	0,0
1985-1987	4,9	-2,0	3,0	0,4
1928-1987	7,2	0,5	6,7	-0,2
Ханин				
1928-1941	5,3	-2,0	1,3	1,7*
1941-1950	2,4	-0,8	1,3	1,1
1950-1960	5,4	1,6	5,0	-0,5
1960-1965	5,9	-1,4	4,1	0,4
1965-1970	5,1	-1,0	3,0	0,4
1970-1975	3,9	-0,6	1,9	1,0
1975-1980	1,9	-1,0	0,2	1,0
1980-1985	0,6	0,0	0,0	1,0
1985-1987	0,0	2,0	2,0	-0,5
1928-1987	3,9	-0,6	2,2	0,8
1980-1982	1,5	-3,6	-2,5	2,5
1982-1988	1,9	-0,2	1,4	0,7
1988-1990**	-0,5	-4,1	-4,1	3,4

* 1,7-2%.

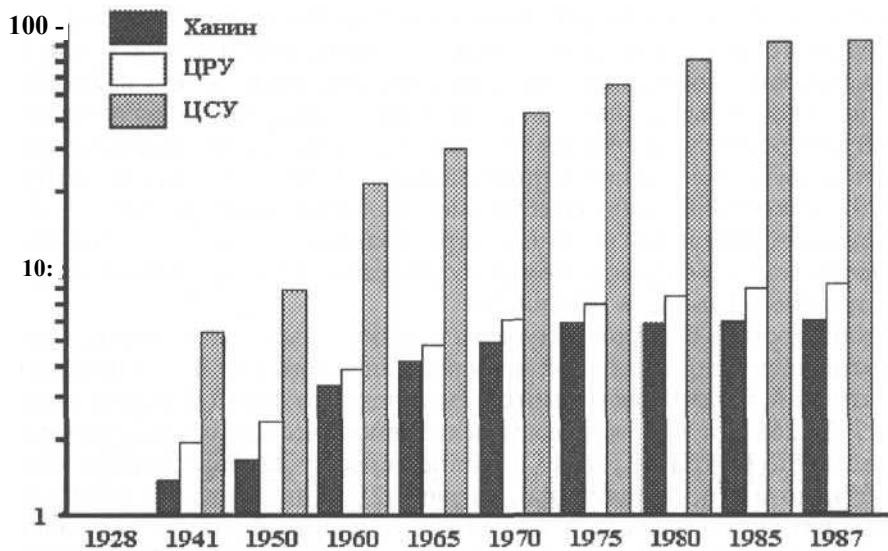
** Предварительные данные.

Источник: Harrison M. Soviet Economic growth since 1928: the alternative statistics of G.I. Khanin. Europe-Asia Studies, 1993. P. 151. Составлено М. Харирисоном на основании данных ЦСУ; Ханин Г.Н. Экономический рост в СССР в 80-е годы //ЭКО. 1991. №5. С. 29,85.

на командные посты в экономике», как гласил коммунистический лозунг, была установлена централизованная плановая экономика, первая в своем роде в мировой истории, если мы исключим некоторые централизованно контролируемые доиндустриальные экономики. Очевидно, в такой экономике цены являются просто средством счета и не могут показывать каких-либо отношений между спросом и предложением.* Таким образом, вся экономика движется через вертикальные административные решения между плановыми институтами и исполнительными министерствами, и между министерствами и производственными единицами (8,22,23). Связи между производственными единицами не являются действительно горизонтальными, поскольку обмен между ними заранее установлен соответствующими высшими административными органами. В ядре такого централизованного планирования находились два института, сформировавшие советскую экономику. Первым был Госплан, который год за годом устанавливал цели для всей экономики на пятилетние периоды, и затем рассчитывал меры по выполнению плана для каждого продукта, для каждой производственной единицы и для всей страны, чтобы установить объем и номенклатуру выпуска и квоты снабжения для каждой производственной единицы в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и даже в услугах. Помимо всего прочего, ежегодно централизованно устанавливались «цены»

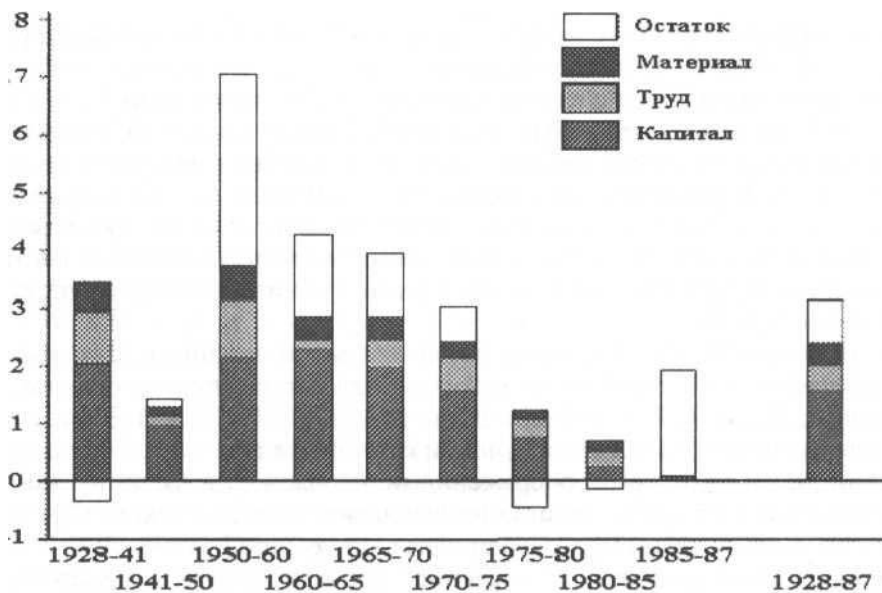
* Теоретическое рассмотрение логики централизованной плановой экономики см. (20, 21).

Рисунок 1
Национальный доход СССР, 1928-1987 гг.: альтернативные оценки

Источник: Harrison M. Soviet Economic growth since 1928: the alternative statistics of G.I. Khanin. Europe-Asia Studies, 1993. P. 145.

Рисунок 2
Национальный доход СССР: роль роста использования факторов производства в росте выпуска

Источник: Harrison M. Soviet Economic growth since 1928: the alternative statistics of G.I. Khanin. Europe-Asia Studies, 1993P. 149.

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

для примерно 200 тыс. продуктов. Неудивительно, что советское линейное программирование было одним из самых изощренных в мире (24).

Другим главным экономическим институтом, менее одиозным, но, по моему мнению, более значительным, был Госснаб, который контролировал все снабжение во всей стране, по каждой транзакции, от булавки до слона. В то время как Госплан был занят совместимостью своих экономических моделей, Госснаб с его вездесущими щупальцами находился в реальном мире, утверждая поставки, фактически контролируя потоки товаров и материалов и, следовательно, управляя дефицитом, фундаментальной чертой советской системы. Госбанк, или Центральный Банк, никогда не играл существенной экономической роли, поскольку кредит и денежное обращение были автоматическим следствием решений Госплана, интерпретируемых и осуществляемых государством в соответствии с инструкциями Центрального Комитета Партии (1).

Чтобы достичь быстрой индустриализации и выполнить планы, Советское государство обратилось к полной мобилизации человеческих и природных активов гигантской, богатой ресурсами страны, покрывавшей 1/6 часть поверхности суши (22; 25; 26). Эта экстенсивная модель экономического роста была характерна для Советского Союза не только на этапе первоначального накопления в 30-х годах (27), но и в постсталинский период (28). Так, согласно Аганбегяну, «в любую из пятилеток за послевоенные годы основные фонды и капиталовложения возрастали в полтора раза, добыча топлива и сырья на 25-30% и в народное хозяйство рекрутировалось еще 10-11 млн. рабочих, большая часть которых направлялась в новые производственные отрасли. Это было характерно для всего периода с 1956 г. до 1975 г. Последней пятилеткой с большим ростом использования ресурсов была пятилетка 1971-1975 гг. В этот период совокупный индекс увеличения всех производственных ресурсов вырос на 21% (2, с.7).»

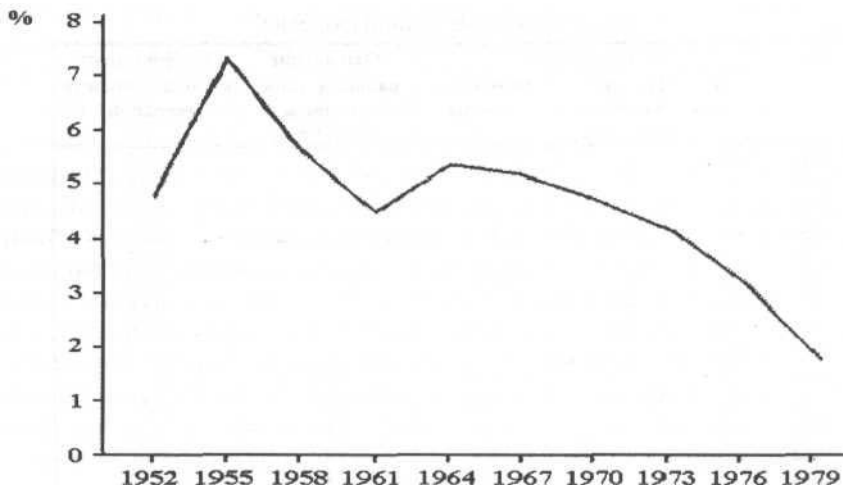
Таким образом, советская модель экономического роста была типична для ранней индустриальной экономики. Темп экономического роста был функцией размера капиталовложений и трудовых вложений, причем технические нововведения играли второстепенную роль, потенциально вызывая уменьшение отдачи, по мере того как ресурсное снабжение падало (см. табл.4 и рис.3). В эконометрических терминах это была модель роста, характеризуемая производственной функцией с постоянной эластичностью, с постоянной отдачей от масштаба производства (29, с.63; 30, с.63). Ее судьба зависела от ее способности либо по-прежнему поглощать дополнительные ресурсы, либо повышать свою производительность через технологическое развитие и/или использование сравнительных преимуществ международной торговли.

Однако советская экономика развивалась в автаркии, и долгое время во враждебном мировом окружении, которое создавало менталитет осадного положения (1, с. 222-264; 2, с. 141-156; 30, с. 163-172, 251-273; 31). Торговля была ограничена самыми важными товарными категориями и всегда обусловлена, как в импорте, так и в экспорте, соображениями безопасности. Хищнический захват дополнительных ресурсов никогда не был целью для Советского Союза, даже после того, как Ялтинский Договор признал оккупацию Восточной Европы.

Вассальные государства, от Восточной Германии до Кубы и Вьетнама, считались скорее политическими пешками, чем экономическими колониями; некоторые из них (например, Куба) на деле очень дорого обходились советскому

Темпы роста ВВП СССР, 1951-1980 гг.*

Рисунок 3

* Ежегодные темпы роста усреднены по трехлетним периодам и указаны на графике для второго года каждого такого периода

Источник составлено на основе табл. 4.

бюджету.* Довольно интересно, что этот приоритет политических критериев над экономическими распространялся и на отношения между Россией и нерусскими Советскими республиками. Советский Союз является уникальным случаем национального господства, в котором происходила обратная дискриминация в региональном распределении инвестиций и ресурсов, где Россия выделяла другим республикам намного больше ресурсов, чем получала от них (33). При традиционном советском недоверии к иностранной иммиграции и с верой в неограниченный потенциал ресурсов в азиатских и северных районах страны, *экономический* упор делался не на географическое расширение имперской мощи, но на более полную мобилизацию советских ресурсов, природных и человеческих (путем мобилизации женщин в ряды рабочей силы и попыток заставить людей работать упорнее). Недостатки этой экстенсивной модели экономического роста непосредственно вытекали из тех ее черт, которые обеспечили ее исторический успех в достижении политических целей. Принесение в жертву сельского хозяйства и жестокая политика принудительной коллективизации навсегда остановили рост производительности не только в сфере возделывания сельскохозяйственных культур, но и в сборе, хранении и распределении урожая (19; 34; 35). Очень часто урожаи оставались гнить на полях, портились на складах или при длительных перевозках на отдаленные элеваторы, расположенные возможно дальше от деревень, чтобы помешать кражам со стороны лишенного доверия, обездоленного сельского населения. Крошечные частные участки земли систематически давали намного более высокие урожаи, но они были слишком малы, а их хозяева слишком часто страдали от надзора и злоупотреблений, чтобы компенсировать отсталость в остальном разрушенном сельском хозяйстве. По мере того как Советский Союз двигался от состояния чрезвычайного положения к обществу, пытающемуся кормить своих

См.: (32). Критику (по-моему, мало убедительную) этого анализа см. (30, с. 153-162).

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

Таблица 4

**Темпы роста ВВП СССР, трудовых затрат и основных фондов,
 коэффициент «валовые инвестиции/ВВП» и коэффициент
 капиталоемкости производства**

Год	ВН	Темпы роста (%)		Отношение валовых инве- стиций к ВВП*(%)	Коэффициент капиталоемкости (средний)
		Трудовые затраты, чел./час	Основные фонды		
1951	3,1	0,1	7,7	-	0,82
1952	5,9	0,5	7,5	-	0,81
1953	5,2	2,1	8,6	-	0,78
1954	4,8	5,1	10,5	-	0,74
1955	8,6	1,6	10,6	-	0,73
1956	8,4	1,9	10,3	-	0,72
1957	3,8	0,6	9,9	-	0,68
1958	7,6	2,0	10,0	-	0,66
1959	5,8	-1,0	9,7	-	0,64
1960	4,0	0,3	9,2	17,8	0,61
1961	5,6	0,7	8,9	18,1	0,59
1962	3,8	1,4	8,8	17,9	0,56
1963	-1,1	0,7	8,8	19,3	0,51
1964	11,0	2,9	8,6	19,1	0,52
1965	6,2	3,5	8,2	18,9	0,51
1966	5,1	2,5	7,7	19,2	0,50
1967	4,6	2,0	7,2	19,9	0,49
1968	6,0	1,9	7,1	20,2	0,48
1969	2,9	1,7	7,2	20,3	0,46
1970	7,7	2,0	7,8	21,0	0,46
1971	3,9	2,1	8,1	21,7	0,45
1972	1,9	1,8	8,2	22,9	0,42
1973	7,3	1,5	8,0	22,3	0,42
1974	3,9	2,0	7,8	23,0	0,40
1975	1,7	1,2	7,6	24,6	0,38
1976	4,8	0,8	7,2	24,5	0,37
1977	3,2	1,5	7,0	24,6	0,36
1978	3,4	1,5	6,9	25,2	0,35
1979	0,8	1,1	6,7	25,2	0,33
1980	1,4	1,1	6,5	25,4	0,31

* Данные по ВВП и инвестициям (информация доступна, начиная с 1960 г.) приведены в ценах 1970 г., а данные по основным фондам — в ценах 1973 г. Для коэффициента капиталоемкости (capital-output ratio) приведены усредненные показатели, полученные путем деления абсолютных величин выпуска на сумму основных фондов в течение данного года. Сумма основных фондов рассчитывалась при этом как среднее арифметическое величин основных фондов на начало текущего и последующего года.

Источник: Desai Padma *The Soviet Economy: Problems and Prospects*. Oxford: Blackwell, 1987. P. 17.

граждан, дефицит сельскохозяйственной продукции ложился тяжелым бременем на государственный бюджет и советский импорт, постепенно отнимая ресурсы из инвестиций в промышленность (7; 28).

Централизованная плановая экономика, чрезвычайно расточительная, однако эффективная при мобилизации ресурсов на приоритетные цели, была также источником бесконечной жесткости и несбалансированности, которые снижали производительность по мере того, как экономика становилась более сложной, технологически развитой и организационно диверсифицированной. Когда население было позволено выражать потребительские предпочтения выше уровня выживания, когда технологические изменения заставили провести преобразование установленных рабочих процедур, и когда просто размер экономики, функцио-

нально взаимозависимой в огромных географических масштабах, превысил возможности программного мастерства работников Госплана, командную экономику начали преследовать системные дисфункции в практике выполнения плана. Вертикально организованные бюрократии с тяжелой рукой, брошенные в эпоху гибкости, все более уходили из-под контроля, переходя к собственной интерпретации плановых заданий.

Эта система, в период фундаментальных технологических изменений, препятствовала также и инновациям, несмотря на обширные ресурсы, которые Советский Союз выщеплял на науку и НИОКР. И это происходило, несмотря на более высокую долю ученых и инженеров в работающем населении, чем в любой другой крупной стране мира (2). Поскольку инновация всегда влечет за собой риск и непредсказуемость, предприятиям на всех уровнях систематически отбивали охоту заниматься такими рискованными делами. Более того, система учета в плановой экономике представляла собой фундаментальное препятствие для повышающих производительность инноваций как в технологии, так и менеджменте. Поясним: результаты каждого предприятия измерялись в валовой стоимости продукции в рублях. Это стоимость продукции (*или валовая продукция, вал*) включала стоимость всех вложений. Сравнение *вала* по годам определяло уровень выполнения плана и, фактически, премии руководителей и рабочих. Следовательно, не существовало заинтересованности в снижении стоимости вложений в данный продукт, например, путем использования более совершенной технологии или управления, поскольку система *вала* не могла преобразовать такие улучшения в более высокую добавленную стоимость (28). Более того, вертикальная организация производства, включая научное производство, чрезвычайно затрудняла установление синергических связей между производством и исследованиями. Академия наук оставалась, по большей части, изолированной от промышленности, и каждое министерство имело свою собственную исследовательскую систему, часто отделенную от систем других министерств и редко работающую в сотрудничестве с другими. Изолированные технологические решения *ad hoc* были правилом для советской экономики в тот самый период, когда непланируемая технологическая инновация расчищала себе путь в развитых капиталистических экономиках на заре Информационной эпохи (36).

Аналогичным образом, приоритеты, предписанные каждой отрасли и сектору экономики из политических соображений, позволяли реализовать цели коммунистической партии, не последней из которых было достижение в течение примерно трех десятилетий статуса сверхдержавы. Но системные приоритеты вели к системному разбалансированию между секторами и хроническому отсутствию равновесия между спросом и предложением по большинству продуктов и процессов. Так как цены не могли отражать такую разбалансированность, поскольку они устанавливались административным решением, результатом разрыва был дефицит. Дефицит всего стал структурной характеристикой советской экономики (37). А с дефицитом пришло и развитие методов борьбы с ним: в контактах потребителя с магазином, производителя с поставщиком, одного руководителя с другим. То, что началось как прагматический способ справиться с дефицитом с помощью сети взаимных услуг, превратилось в обширную систему неформального экономического обмена, базой которого все чаще становились нелегальные платежи деньгами или товарами. Поскольку предпосылкой системы, работающей в обход правил в таком огромном масштабе, была лояльность и защита от надзирающих за экономикой бюрократов,

аппарат партии и государства погрузился в гигантскую теневую экономику. Эта фундаментальная характеристика советской системы была подробно исследована Г. Гроссманом, одним из ведущих специалистов по советской экономике (38, с.25-40). Иногда говорят, что такая теневая экономика смягчала жесткость системы, создавая квазирыночный механизм, который позволял реальной экономике работать. На деле же, как только менеджеры и бюрократы открыли для себя выгоды экономики дефицита, дефицит постоянно провоцировался жестким применением строгих правил плана, создавая, таким образом, потребность смягчать систему — и не бесплатно. Теневая экономика, которая в 70-х годах под покровительством партийной *номенклатуры* значительно выросла, глубоко трансформировала советскую социальную структуру, дезорганизуя и делая более дорогостоящей плановую экономику, в которой, по определению, было больше не дозволено планировать, поскольку господствующий интерес «привратников» (*gatekeepers*) во всем административном аппарате состоял в том, чтобы собирать свои теневые доходы, а не в том, чтобы получать премии за выполнение плановых заданий (39, с.150-172).

Международная изоляция советской экономики была функциональной для системы, поскольку она делала возможным выполнение плана (практически неосуществимого в открытой экономике), изолируя производство от конкурентного давления извне. Но именно по той же причине советская промышленность и сельское хозяйство стали неспособны конкурировать в мировой экономике как раз в исторический период формирования взаимозависимой глобальной системы. Когда Советский Союз стал вынужден импортировать товары, будь то новейшие машины, потребительские товары или кормовое зерно для скота, он столкнулся с ограниченностью своих скудных способностей к экспорту промышленных товаров в обмен. Он обратился к массивному экспорту нефти, газа, сырья и драгоценных металлов, которые в 80-х годах составляли 90% советского экспорта в капиталистический мир, причем две трети такого экспорта составляли нефть и газ (1). Такая внешнеторговая структура, типичная для слаборазвитых экономик, подверженная долгосрочному снижению цен на продукцию добывающего сектора *vis a vis* цен на продукты обрабатывающей промышленности, крайне уязвима для флуктуаций в ценах на нефть на мировых рынках (40). Зависимость от экспорта природных ресурсов отнимала энергетические ресурсы и сырье у советской экономики, еще более подрывая экстенсивную модель роста. С другой стороны, когда в 1986 г. цены на нефть упали, способность экономики к импорту сильно пострадала, увеличив дефицит потребительских товаров и сельскохозяйственной продукции (2).

Однако самая губительная, быть может, слабость советской экономики состояла в том, что составляло силу Советского государства: чрезмерно разросшийся военно-промышленный комплекс и невозможный оборонный бюджет. В 80-х годах советские военные расходы составляли, по оценкам, около 15% советского ВВП, более чем вдвое превышая соответствующую долю ВВП США на пике оборонного строительства администрации Рейгана. Некоторые оценки говорят об еще более высоком уровне — около 20-25% ВВП (41). Около 40% промышленного производства было связано с обороной, а производство предприятий, включенных в военно-промышленный комплекс, достигло около 70% всего промышленного производства. Но ущерб, который наносила такая гигантская военная промышленность гражданской экономике, был глубже (42; 43). На ее предприятиях концентрировались наиболее талантливые ученые, инженеры и квалифицированные рабочие, они были обес-

печены наилучшим оборудованием, станками и технологическими ресурсами. Они имели собственные исследовательские центры, наиболее технологически развитые, они пользовались приоритетом при распределении импортных квот. Таким образом, они поглощали лучшую часть советского промышленного, человеческого и технологического потенциала. И раз эти ресурсы были выделены в военный сектор, они почти не возвращались в гражданское производство или применения. Технологические новшества, передаваемые в гражданскую промышленность, были редкостью, и доля гражданских товаров в общем производстве военных предприятий обычно составляла менее 10%. Даже при этом большинство телевизоров и других электронных потребительских товаров производилось военными предприятиями в качестве побочной продукции. Нет надобности говорить, что при органической зависимости таких предприятий от министерства обороны, внимание к удовлетворению потребителя было минимальным. Военно-промышленный сектор действовал в советской экономике как черная дыра, поглощая большую часть творческой энергии общества, исчезавшей в невидимой бездне. В конечном счете, милитаризация экономики является логическим атрибутом системы, которая отдает абсолютный приоритет власти государства ради власти государства. Обнищавшая, в основном аграрная, слаборазвитая страна, какой был Советский Союз в начале столетия, смогла стать одной из величайших военных держав в истории всего за три десятилетия, но военная мощь с неизбежностью отняла свою долю у советской гражданской экономики и повседневной жизни граждан.

Советское руководство осознавало противоречия и узкие места, которые развивались в плановой экономике. В самом деле, как отмечалось выше, советская история пестрит периодическими попытками реформ и реструктуризаций (5). Хрущев пытался сделать достижения социализма «ближе к людям», совершенствуя сельскохозяйственное производство и уделяя большее внимание потребительским товарам, жилищному строительству и социальным выплатам, в особенности, пенсиям (44; 45). Более того, ему виделся новый род экономики, способный достичь полного развития производительных сил. Наука и технология должны были быть поставлены на службу экономического развития, подлежали освоению природные ресурсы Сибири, Дальнего Востока и азиатских республик. На волне энтузиазма, порожденного успешным запуском первых спутников, XXI съезд партии, экстраполируя ситуацию на основе показателей роста, предсказал, что СССР должен достичь экономического паритета с Соединенными Штатами через 20 лет. В соответствии с этим общая стратегия победы над капитализмом переместилась от неизбежности военного столкновения к провозглашению политики мирного сосуществования и мирной конкуренции. Хрущев действительно верил, что демонстрационный эффект достижений социализма в конечном счете приведет коммунистические партии и их союзников к власти в остальном мире (16). Однако до того, как поставить перед международным коммунистическим движением такую грандиозную перспективу (оспариваемую китайскими коммунистами) он знал, что необходимы изменения в бюрократии Советского государства. Благодаря разоблачению зверств сталинизма на XX съезде, сторонники твердой линии в партии перешли к обороне. Хрущев уничтожил экономические министерства, ограничил власть Госплана и передал ответственность региональным экономическим советам (*совнархозам*). Бюрократия, как легко было предсказать, реагировала путем перестройки неформальных сетей контроля и управления дефицитными ресурсами сверху донизу. Последовавшая дезорганизация плановой системы привела к падению производства и к значительному замедлению темпов роста

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

сельского хозяйства, находившегося в ядре хрущевских реформ. Прежде чем Хрущев смог реагировать на саботаж его политики (разумеется, проникнутой излишним волюнтаризмом), партийный аппарат устроил в 1964 г. внутренний государственный переворот, который покончил с правлением Хрущева. Сразу же после этого была восстановлена власть Госплана, созданы новые отраслевые министерства, через посредство которых плановые органы могли проводить в жизнь свои директивы.

Экономическая реформа, однако, не полностью застопорилась, но переориентировалась с уровня государственного управления на уровень предприятия. Косыгинские реформы 1965 г. (47), вдохновленные экономистами Либерманом и Немчиновым, дали руководителям предприятий большую свободу решений и экспериментировали с ценовой системой, предназначенной для того, чтобы платить за вовлеченные в производство ресурсы. Потребительским товарам, производство которых в 1966-1970 гг. впервые стало расти быстрее, чем производство средств производства, также уделялось больше внимания. В сельском хозяйстве началось стимулирование, которое привело в период 1966-1971 гг. к значительному увеличению производства. Однако, столкнувшись с логикой плановой экономики, реформы остановились. Предприятия, которые повысили свою производительность, используя вновь обретенную свободу, обнаружили, что они получали повышенные плановые задания на следующий год. Предприимчивые руководители и рабочие (как на химическом комплексе Щекино в Туле — предприятии, которое стало ролевой моделью реформ в 1967 г.) попали в ловушку, будучи на деле наказанными интенсификацией темпа работы, в то время как предприятия, которые сохраняли устойчивый, обычный уровень производства, были оставлены спокойно гнить в своей бюрократической рутине. В начале 70-х годов Косыгин потерял власть, и новаторский потенциал половинчатых реформ испарился.

Однако первое десятилетие брежневского периода (1964-1975 гг.) принесло с собой умеренный экономический рост (в среднем, более 4% в год) вместе с политической стабильностью и постоянным улучшением условий жизни населения (7; 40; 48). Термин *застой*, обычно применяемый к брежневским годам, несправедлив по отношению к первому десятилетию (4). Относительная стагнация не укоренилась до 1975 г., и нулевой уровень роста был достигнут только в 1980 г. Источники такой стагнации, по-видимому, были структурными, и они явились непосредственными факторами, подтолкнувшими горбачевскую *перестройку*.

Падма Десаи дал эмпирические свидетельства, а также экономическую интерпретацию замедления роста советской экономики (см. рис.3), главными причинами которого были, по-видимому, снижающийся темп технического обновления и снижающаяся отдача в экстенсивной модели накопления (30). Абел Аганбегян также приписывает замедление экономического роста исчерпанию модели индустриализации, основанной на экстенсивном использовании труда, капитала и природных ресурсов (2). Технологическая отсталость привела к снижению отдачи нефтяных и газовых месторождений, угольных шахт, добычи железной руды и редких металлов. Затраты на разведку новых ресурсов резко увеличивались с расстояниями и географическими препятствиями, связанными с суровыми условиями жизни в северных и восточных областях территории СССР. По мере того, как рождаемость в результате роста образования и экономического развития, постепенно падала, а включение женщин в рабочую силу стало почти полным, предложение трудовых ресурсов в советской экономике стало сокращаться. Таким обра-

зом, один из устоев экстенсивной модели накопления, постоянное количественное увеличение трудовых ресурсов, растаял. Капиталовложения были также ограничены ввиду снижающейся отдачи от инвестиций в условиях той же самой производственной функции, характерной для ранней стадии индустриализации. Чтобы производить то же самое количество продукции в новых экономических условиях, нужно было использовать больше капитала, как указывает драматическое падение коэффициента капиталоемкости (см. табл. 4).

Отсталость была также связана с внутренне присущей модели накопления бюрократической логикой и динамикой. Станислав Меньшиков вместе с группой молодых экономистов Института экономики Академии наук в Новосибирске в 70-х годах разработал межсекторную модель советской экономики. По его словам: «Экономический анализ показал, что принятие решений в области капиталовложений в производство и распределение не было на деле нацелено на рост благосостояния населения, стимулирование технологического прогресса и сохранение темпов роста достаточно высоких, чтобы поддерживать экономическое развитие. Вместо этого решения принимались с целью максимизации власти министерств в их борьбе за раздел чрезмерно централизованных материальных, трудовых, природных, финансовых и интеллектуальных ресурсов. Наш экономико-математический анализ показал, что система имела собственную неизбежную инерцию и была осуждена на все большую и большую неэффективность» (1, с.8).

Эта неэффективность стала особенно очевидной, когда потребительский спрос населения, все более образованного и уверенного в себе, начал оказывать давление на правительство не в форме социальных движений, бросающих вызов системе, но в качестве лояльного выражения требований граждан, желающих постепенного предоставления обещанного благосостояния (49).

Однако две главные структурные проблемы, казалось, препятствовали способности системы реформировать себя в 80-х годах. С одной стороны, исчерпанность экстенсивной модели экономического роста подразумевала потребность перехода к новой производственной функции, в которой технологические изменения могли бы играть большую роль, используя выгоды разворачивающейся технологической революции, чтобы существенно увеличить производительность всей экономики. Это требовало, чтобы часть экономического излишка могла быть отложена для социального потребления, не ставя под угрозу обновление военной машины. С другой стороны, чрезмерная бюрократизация экономического управления и хаотические последствия сопутствующего ей роста теневой экономики должны были быть исправлены путем перетряхивания плановых институтов и приведения под контроль параллельных сетей присвоения и распределения товаров и услуг. В обоих пунктах — в технологической модернизации и административной регенерации — препятствия, которые нужно было преодолеть, были внушительными.

Технологический вопрос

Несмотря на недостатки централизованного планирования, Советский Союз построил мощную индустриальную экономику. Когда в 1961 г. Хрущев бросил миру вызов, заявив, что с 80-х годов СССР начнет производить больше промышленных товаров, чем Соединенные Штаты, большинство западных наблюдателей высмеяло эти претензии, даже после шока, вызванного запуском спутников. Однако ирония истории состоит в том, что, по крайней мере, согласно официальной статистике, несмотря на экономи-

ческую отсталость и социальный беспорядок, в 80-х годах Советский Союз в ряде секторов тяжелой промышленности производил существенно больше, чем США: он производил на 80% больше стали, на 78% больше цемента, на 42% больше нефти, на 55% больше удобрений, вдвое больше чугуна и в пять раз больше тракторов (50, с.53). Проблема состояла в том, что тем временем мировая производственная система переносила центр тяжести на электронику и специальные химические препараты и поворачивала к биотехнологической революции, а во всех этих областях советская экономика и технология существенно отставали (51). По всем расчетам и показателям Советский Союз пропустил революцию в информационных технологиях, которая сформировалась в мире в середине 70-х годов. При исследовании в ведущих предприятиях в области микроэлектроники и телекоммуникаций в Зеленограде (советская Силиконовая Долина, 25 км от Москвы), которое я провел в 1991-1993 гг. совместно со Светланой Наталушко (52), огромный технологический разрыв между советскими и западными электронными технологиями стал очевидным, несмотря на общее высокое качество научного и инженерного персонала, который мы опрашивали. Например, даже с таким запозданием российские предприятия не были способны спроектировать субмикронные чипы (sub-micron chips), а их «чистые комнаты» были такими грязными, что нельзя было даже произвести самые передовые чипы, которые они могли спроектировать. В действительности, главной причиной, которой нам объясняли свою технологическую отсталость, было отсутствие соответствующего оборудования для производства полупроводников. Аналогичные истории можно рассказать о компьютерной промышленности, которая, согласно результатам другого исследования, которое я проводил в исследовательских институтах Сибирского отделения Академии наук в Новосибирске в 1990 г., по-видимому, примерно на 20 лет отстала от американской или японской (53, сокращенный вариант см.: 54). Советский Союз полностью прозевал начало эволюции персональных компьютеров, как, собственно, прозевала его и IBM. Но, в отличие от IBM, проектирование и производство собственного РС, подозрительно похожего на «Apple One», у Советского Союза заняло более десятилетия (55). На другом конце спектра, в компьютерах высокой мощности, которые должны бы быть сильным местом этатистской технологической системы, максимальная совокупная мощность советских машин в 1991 г. (когда был достигнут пик производства этих компьютеров в СССР) была более чем на два порядка ниже, чем мощность машин одной «Cray Research» (56; 57). Что же касается решающего элемента технологической инфраструктуры, то оценка советской телекоммуникационной системы, сделанная Дианой Дусетт в 1992 г., также показала ее отсталость по сравнению с системой любой крупной индустриальной страны (58). Даже в ключевых военных технологиях к концу 80-х годов Советский Союз сильно отставал от США. Сравнение военных технологий США, НАТО, Японии и СССР, проведенное Министерством обороны США в 1989 г., показало, что Советский Союз оказался наименее развитой страной в 15 из 25 оцененных технологий и не имел паритета с Соединенными Штатами ни в одной технологической области (59; цит. по: 60). Оценка военной технологии, проведенная Маллере и Деляпортом также, по-видимому, подтверждает этот факт (61). Здесь опять-таки не существует непосредственно очевидной причины отсталости. Советский Союз не только имел сильную научную базу и технологию, достаточно развитую, чтобы опередить США в космической гонке в конце 50-х годов (62), но и официальная доктрина при Брежневле поставила «научно-техническую революцию» (НТР) в центр советской стратегии опережения Запада и строительства коммунизма на технологической основе, стимулируемой социалистическими производственными отношениями (63; 64). Этот заявленный приоритет не ограни-

чивался чисто идеологическими рассуждениями. Важность НТР была поддержана массивными инвестициями в науку, НИОКР и обучение инженерно-технического персонала; в результате в 80-х годах СССР имел большую долю ученых и инженеров в населении, чем любая другая крупная страна мира (65; 66).

Таким образом, мы снова приходим к мысли, что дело не в людях и не в недостатке материальных ресурсов, отпущенных на научное и техническое развитие. «Система» сама подорвала свои основы, спровоцировав технологическое отставание именно в критический период крупного сдвига парадигмы в остальном мире. В самом деле, до начала 60-х годов нет свидетельств существенного советского отставания в главных технологических областях, за исключением биологических наук, страшный удар которым нанесла лысенковщина (67; 68). Но, как только в технологической эволюции наступил перелом, как на Западе с начала 70-х годов, научные исследования не могли помочь технологическому прогрессу, и попытки учиться через заимствование вовлекли Советский Союз в безнадежную гонку за ускорением технологических инноваций в Америке и Японии (28). «Что-то» случилось в течение 70-х годов и вызвало технологическое отставание СССР. Но это «что-то» произошло не в Советском Союзе, а в развитых капиталистических странах. Характеристики новой технологической революции, основанной на информационных технологиях и на быстром распространении таких технологий в широком диапазоне применений, крайне затруднили для советской системы их освоение и приспособление для собственных целей. Не кризис брежневского застойного периода воспрепятствовал технологическому развитию. Скорее неспособность советской системы фактически интегрировать желанную «научно-техническую революцию» внесла вклад в экономический застой. Конкретизируем причины этой неспособности.

Первой причиной было поглощение экономических ресурсов, науки и технологии, передового машинного парка и интеллектуальных сил военно-промышленным комплексом. Этот обширный мир, который в начале 80-х годов составлял около двух третей промышленного производства и получал вместе с вооруженными силами от 15 до 20% советского ВВП (41; 69-71), был склепом для науки и технологии. Он получал наиболее талантливых людей и наилучшее оборудование, возвращая в гражданскую экономику только посредственные электроприборы и потребительскую электронику (60). Из передовых технологий, которые были открыты, использовались или применялись в военно-промышленном комплексе, в общество попадали лишь немногие, главным образом, по соображениям безопасности, но также и ради контроля над информацией, который делал военные предприятия виртуальными олигополиями передового промышленного ноу-хау. Кроме того, логика поведения военных предприятий как на Востоке, так и на Западе, в целом определялась и определяется стремлением к удовлетворению их единственного клиента—министерства обороны.* Таким образом, технологии разрабатывались или адаптировались для удовлетворения крайне специфических требований военной техники, что объясняет значительные трудности с которыми сталкиваются любые проекты конверсии как в России, так и в США. Кому нужен на промышленном или потребительском рынке чип, созданный для того, чтобы выдержать ядерный удар? Американские электронные оборонные отрасли спасла от быстрого устаревания относительная открытость для конкуренции со стороны других американских компаний, а также со стороны японских производителей электроники (73). Но советские

* Полевые исследования М. Кастельса, С. Наталушко и их сотрудников на предприятиях электронной промышленности в Зеленограде (1991-1993 гг.) (52). О проблемах переноса технологий из оборонных отраслей в гражданскую экономику на Западе см. (72).

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

предприятия, живущие в закрытой экономике, без стимула к экспорту, не имеющие другой цели, кроме как следовать не обязательно ультрасовременным спецификациям Министерства обороны, были вовлечены в технологическую траекторию, все более удаляющуюся от потребностей общества и от инновационных процессов в остальном мире (43).

Логика, навязанная технологическому развитию военными требованиями, была главной причиной упадка в производстве советских компьютеров, которые между серединой 40-х годов и серединой 60-х не слишком отставали от западных эквивалентов и были ключевым элементом прогресса ранней советской космической программы.* Проектирование компьютеров началось в 40-х годах в Академии наук в Киеве под руководством профессора С.А. Лебедева (55). Первый прототип МЭСМ был построен в 1950 г., всего через четыре года после первого американского компьютера UNIAS. Из таких прототипов развилось в конце 50-х и в 60-х годах целое семейство больших машин: М-29, БЭСМ-3М, БЭСМ-4, М-220 и М-222. Эта линия развития достигла своего пика в 1968 г. с выпуском мощной машины БЭСМ-6, способной производить 800 тыс. операций в секунду, машины, которая стала «рабочей лошадкой» для советских вычислений на следующие два десятилетия. Однако это был последний крупный прорыв эндогенной советской компьютерной промышленности. В 1965 г. под давлением военных советское правительство решило приспособить модель IBM 360 в качестве ядра единой компьютерной системы Совета Экономической Взаимопомощи. С того времени компьютеры IBM и цифровые, а позже некоторые японские компьютеры стали в Советском Союзе нормой. Советские электронные центры НИОКР и заводы (все под эгидой Министерства обороны) вместо разработки собственных проектов и производственных линий занялись контрабандой компьютеров с Запада, воспроизводя модели и приспособляя их к советским военным спецификациям. Перед КГБ была поставлена приоритетная задача приобретать самые развитые западные технологические ноу-хау и машины, особенно в электронике, любыми средствами (75). Открытый и подпольный перенос технологии с Запада, как в проектах, так и в оборудовании, стал главным источником информационно-технологической революции в Советском Союзе. Это по необходимости привело к отсталости, поскольку временные лаги между моментом появления нового компьютера на мировом рынке (или просто в руках агентов КГБ) и моментом, когда советские заводы становились способными его производить, становились все дольше, особенно в условиях ускорения технологической гонки в конце 70-х годов. Поскольку той же самой процедуре следовали при производстве всех электронных компонентов и программного обеспечения, отсталость в каждом сегменте отрасли взаимодействовала с отсталостью в каждом другом, умножая, таким образом, технологические лаги. Ситуация в компьютерном проектировании, близкая к паритету в начале 60-х годов, в 90-х обернулась отсталостью на 20 лет в проектировании и производственных мощностях.**

Аналогичные события имели место в программном обеспечении. Советские машины 60-х годов работали на отечественном языке ALGOL, который пролагал путь к интеграции систем, тогдашнему переднему краю вычислительной техники.

* Полевые исследования М. Кастельса в Новосибирске (1990 г.) и в Зеленограде (1992-1993 гг.); см.: (51; 74).

** Оценка директора Института систем информатики Российской Академии наук, Сибирское отделение. Эта оценка была подтверждена шестью инженерами и менеджерами в институтах электроники и телекоммуникаций в Зеленограде в течение моей полевой работы (52; 51).

Однако в 70-х годах, чтобы оперировать на компьютерах американского типа, советские ученые разработали свою версию ФОРТРАНа, которая из-за развития программного обеспечения на Западе быстро устарела. Наконец, они начали копировать, без официального разрешения, любое программное обеспечение, появившееся в Америке, вводя, таким образом, тот же самый механизм отсталости в область, в которой русские математики могли бы быть пионерами на переднем крае мировой науки.

Почему возникло это парадоксальное явление? Почему советские военные и КГБ предпочли стать технологически зависимыми от США?! Исследователи, которых я интервьюировал в Институте систем информатики Академии наук в Новосибирске, привели убедительный аргумент, почерпнутый из их собственного опыта. Развитие советских компьютерных наук в изоляции от остального мира, в области, по большей части, неисследованной, было слишком ненадежным, чтобы удовлетворить обеспокоенное военное и политическое руководство. Что станет с советской властью, основанной на компьютерных мощностях, если ее исследователи пропустят важный новый шаг вперед, если технологическая траектория, в которой они замкнутся, в опасной степени отклонится от западной и пойдет непроверенным курсом? Не будет ли слишком поздно изменить курс, если США в один прекрасный день поймут, что Советский Союз не имеет реальных вычислительных мощностей, чтобы эффективно защищаться? Так советское руководство (вероятно, через решение на высшем уровне, на основании информации КГБ) выбрало консервативный и безопасный подход: пусть у нас будут те же машины, что и у «них», даже если воспроизведение «их» компьютеров займет у нас некоторое дополнительное время. В конце концов, чтобы активировать Армагеддон, технологический разрыв в электронных системах в несколько лет, в сущности, будет неважен, лишь бы они работали. Так высшие военные интересы советского государства привели к парадоксу, поставив Советский Союз в технологическую зависимость от Соединенных Штатов в решающей области информационной технологии.

Однако на ранних этапах японские электронные компании также копировали американскую технологию и успешно догнали ее в главных ключевых областях за одно или два десятилетия, в то время как Советский Союз получил противоположные результаты. Почему? Главная причина, кажется, в том, что японцы (а позднее, и другие азиатские страны) должны были конкурировать с фирмами, у которых они черпали технологию, так что им приходилось держаться на уровне, в то время как ритм технологического развития на советских предприятиях диктовался военными заказами и командной экономикой, упирившей на количество, а не на качество. Отсутствие международной или внутренней конкуренции снимало давление на советские предприятия, и им не нужно было вводить инновации быстрее, чем это было нужно по мнению плановиков Министерства обороны (28). Когда ориентированное на войну технологическое ускорение программы «Звездных войн» сделало очевидным технологический разрыв между Соединенными Штатами и Советским Союзом, которого так сильно опасались, тревога советского высшего командования, которая была наиболее открыто выражена начальником Генерального Штаба маршалом Огарковым, была одним из факторов, которые подтолкнули *перестройку*, несмотря на политический крах самого Огаркова (50).

Однако Советский Союз и за пределами военного сектора имел достаточные индустриальные, научные и технологические ресурсы, чтобы быть способным улуч-

шить свои технологические результаты даже при отсутствии финансирования со стороны военных. Но такому развитию помешал другой слой этатистской логики. Функционирование командной экономики, как отмечалось выше, было основано на выполнении плана, а не на улучшении продуктов или процессов. Попытки инновации всегда влекут за собой риск как в результатах, так и в способности получить необходимые материалы, чтобы войти в новые области производства. Стимула, встроенного в систему индустриального производства, для такой цели не существовало, однако возможность неудачи, встроенная в любую связанную с риском инициативу, оставалась (76; 77). Над принятием решений в области технологии довлела, как и во всех других областях управления экономикой, упрощенческая бюрократическая логика. Характерное свидетельство может проиллюстрировать наш аргумент.* Большинство выводов на американских чипах расположены на расстоянии 0,1 дюйма друг от друга. Советское министерство электронной промышленности, ответственное за копирование американских чипов, приказало сделать все по метрической системе, но 0,1 дюйма эквивалентно странной метрической мере — около 0,252 мм. Чтобы все упростить, как часто бывает в советской бюрократии, было решено округлить цифру. В результате выводы чипов стали располагаться на расстоянии 0,1 «метрического дюйма» — 0,25 мм. Таким образом, советские чипы выглядели как американские, но не подходили к западным контактам. Ошибка была открыта слишком поздно и в результате даже в 1991 г. советское полупроводниковое конвейерное оборудование не могло использоваться для производства чипов западных размеров, исключая, таким образом, потенциальный экспорт советской микроэлектроники.

Более того, научные исследования и промышленное производство были институционально разделены. Мощная и хорошо оснащенная Академия наук была институтом, ориентированным строго на исследования по своим собственным программам и критериям, не связанными с нуждами и проблемами промышленных предприятий (79). Лишенные возможности полагаться на работу Академии, предприятия использовали исследовательские центры своих собственных министерств. Поскольку любой обмен между этими центрами требовал формальных контактов между министерствами в плановом порядке, центры прикладных исследований также не имели связи друг с другом. Это строго вертикальное разделение, навязанное институциональной логикой командной экономики, не позволяло «учиться на практике» (learning by doing), что имело критическую важность в стимулировании технологической инновации на Западе. Отсутствие взаимодействия между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и промышленным производством привело к крайней жесткости производственной системы, отсутствию экспериментирования в научных разработках и к узкому применению научных технологий в ограниченных областях именно в тот период, когда развитие информационных технологий опиралось на постоянное взаимодействие между различными технологическими областями на базе их коммуникаций через компьютерные сети.

Советских лидеров, начиная, по крайней мере, с 1955 г., когда Булганин созвал конференцию, чтобы обсудить проблему, все более тревожило отсутствие продуктивного взаимодействия между наукой и промышленностью. В течение 60-х годов Хрущев, а затем и Брежнев сделали ставку на науку и технологию, чтобы опередить капитализм. В конце 60-х годов в контексте осторожных экономических реформ были основаны «научно-производственные объединения», устанавливаю-

* Сообщение Фреда Ланга, главного редактора журнала BYTE (78, с. 128).

щие горизонтальные связи между предприятиями и исследовательскими центрами (80). Результаты опять оказались парадоксальными. С одной стороны, объединения завоевали некоторую автономию и увеличили взаимодействие между своими промышленными и научными компонентами. С другой стороны, поскольку они получали вознаграждение по их индивидуальному вкладу в рост производства по сравнению с другими объединениями, у них развилась тенденция к самообеспечению и к обрезанию связей с другими производственными объединениями, так же как с остальной научной и технологической системой, поскольку они были подотчетны только своим собственным министерствам. В дополнение к этому, министерства не стремились к сотрудничеству за пределами своих собственных отраслей, а Академия наук сопротивлялась любой попытке ограничить ее бюрократическую независимость, мастерски используя страхи перед возвращением к полному подчинению эпохи сталинизма. Хотя позднее Горбачев пытался оживить систему, горизонтальные связи между научными исследованиями и промышленными предприятиями в действительности никогда не работали в плановой экономике, что препятствовало эффективному применению технологических открытий путем использования иных каналов, кроме министерских инструкций, передаваемых по вертикали.

Конкретный случай, который иллюстрирует фундаментальную неспособность централизованной плановой экономики приспособиться к процессам быстрой технологической инновации — это эксперимент Академгородка близ Новосибирска (54, с.41-56). В 1975 г. Хрущев, по возвращении из Соединенных Штатов, вознамерился воспроизвести модель американского университетского кампуса, убежденный в том, что при правильных условиях советская наука может превзойти науку Запада. По совету одного из ведущих математиков, Лаврентьева, он начал строительство научного городка в сибирской березовой роще на берегах искусственного Обского водохранилища, поблизости, но умышленно не слишком близко от главного сибирского промышленного и политического центра, Новосибирска. Некоторым из лучших молодых динамичных талантливых ученых Советского Союза был дан стимул переселиться туда, подальше от академической бюрократии Москвы и Ленинграда и в условия, несколько более свободные от прямого идеологического контроля. В 60-х годах Академгородок процветал как крупный научный центр в области физики, математики, информатики, новых материалов и экономики, не считая других дисциплин. На пике своего развития в 80-х годах Академгородок насчитывал 20 институтов Академии наук, а также маленький элитный университет — Новосибирский государственный университет. В целом, там работало почти 10 тыс. исследователей и профессоров, 4,5 тыс. студентов и тысячи рабочих и техников, принадлежащих к вспомогательному персоналу. Эти научные институты в своих областях находились на переднем крае. И в самом деле, в экономике и социологии Академгородок дал несколько интеллектуальных лидеров *перестройки*, в том числе Абега Аганбегяна и Татьяну Заславскую. Однако, безотносительно к научному превосходству, достигнутому сибирским городом науки, его связь с промышленностью никогда не имела места. Это было так, несмотря на близость к главному сибирскому промышленному центру, где были расположены крупные оборонные заводы, в том числе электроника и авиастроение. Разделение между двумя системами было таково, что Академия наук создала в Академгородке свои собственные промышленные цеха, чтобы делать машины, необходимые для научных экспериментов, в то время как новосибирские электронные заводы продолжали полагаться на свои исследовательские центры,

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА

Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

расположенные в Москве. Причина, по словам исследователей, которых я интервьюировал в 1990-1992 гг., состояла в том, что промышленные предприятия не были заинтересованы в новейших технологиях: их производственные планы были приспособлены к оборудованию, которое они уже установили, и любое изменение производственной системы означало неспособность достичь плановых целей, назначенных для них. Поэтому технологические изменения могли произойти только под давлением соответствующего отдела Госплана, который должен был приказывать ввести новые машины в то же самое время, когда он определял новые производственные задачи. Но расчеты Госплана не могли полагаться на потенциальные машины, которые могли быть созданы на основе передовых исследований в академических институтах. Вместо этого Госплан полагался на технологию, доступную на международном рынке, поскольку более развитая западная технология, втайне предоставляемая КГБ, была резервирована для военного сектора. Таким образом, один из самых смелых экспериментов хрущевской эры, предназначенный для того, чтобы связать науку и промышленность, чтобы сформировать ядро нового процесса развития в одном из богатейших по естественным ресурсам районов мира, в конечном счете, потерпел неудачу под неизбежным бременем советского этатизма.

Таким образом, когда на Западе в течение 70-х и начале 80-х годов технологическая инновация ускорила, Советский Союз в своих ведущих промышленных секторах все больше полагался на импорт машин и перенос технологий, пользуясь преимущественно валютного Клондайка — экспорта сибирской нефти и газа. Но западные технологии использовались неэффективно. Маршалл Годдман проинтервьюировал ряд крупных западных бизнесменов, занятых экспортом технологий в Советский Союз в начале 80-х годов (28). По их словам, импортное оборудование использовалось плохо (около 2/3 западной эффективности тех же машин); Министерство внешней торговли пыталось сэкономить свои скудные валютные ресурсы, в то время как крупные предприятия имели корыстный интерес в накоплении на складах новейшего оборудования и большого количества запасных частей всегда, когда им давали право покупать импортные товары; недоверие между министерствами сделало невозможным гармонизацию импортной политики, из чего возникала несовместимость между импортным оборудованием, а долгие периоды амортизации для каждого типа импортного оборудования на данном заводе вели к технологическому устареванию и к болезненному сосуществованию машин и процессов совершенно разных технологических эпох. Более того, скоро стало очевидным, что невозможно модернизировать технологию в одном сегменте экономики, не перестраивая всю систему. Именно потому, что плановая экономика сделала свои единицы высоко взаимозависимыми, было невозможно ликвидировать технологический лаг в некоторых решающих секторах (например, в электронике), по-прежнему не позволяя каждому элементу системы взаимодействовать с другими. Замыкая круг, логика использования дефицитных ресурсов иностранной технологии для нужд сжимающегося, но неизбежного сегмента системы, подкрепила приоритет, отданный военно-промышленному сектору, и твердо установила жесткое разделение между двумя все менее совместимыми технологическими системами — военной машиной и экономикой выживания.

И последнее по счету, но не по значению. Идеологические репрессии и политика контроля над информацией были решающими препятствиями для инновации и распространения новых технологий, сосредоточенных как раз на обработке информации (81). Правда, в 60-х годах эксцессы сталинизма были оставлены позади,

сменившись великими перспективами «научно-технической революции» в качестве материальной базы социализма. Лысенко был убран вскоре после падения Хрущева, спустя целых 20 лет интеллектуального террора; «кибернетика» перестала считаться буржуазной лженаукой; в экономику были введены математические модели; о системном анализе благоприятно отзывались в марксистско-ленинских кругах и, что самое значительное, Академия наук получила сильную материальную поддержку и значительную бюрократическую автономию, чтобы вести свои собственные дела, включая свой собственный идеологический контроль. Однако советская наука и технология по-прежнему страдали от бюрократии, идеологического контроля и политических репрессий (65). Доступ к международному научному сообществу оставался очень ограниченным и доступным только избранной группе ученых, над которыми осуществлялся строгий надзор. Отсюда следовало отставание в научном «перекрестном опылении». Исследовательская информация фильтровалась, распространение открытий контролировалось и было ограничено. Бюрократы от науки часто навязывали свои взгляды новаторам, находя поддержку в политической иерархии. Присутствие КГБ в крупных научных центрах было по-прежнему всеобъемлющим, вплоть до конца советского режима. Воспроизведение информации и свободная коммуникация между исследователями и внешним миром долгое время оставались затрудненными, составляя огромное препятствие для научной изобретательности и распространения технологий. Следуя гениальной догадке Ленина о контроле над производством бумаги в качестве базового средства для контроля над информацией вскоре после революции, печатание, копирование и обработка информации, машины для коммуникаций оставались под жестким контролем. Пишущие машинки были редкими и за ними тщательно следили. Доступ к машинам для фотокопирования всегда требовал допуска от служб безопасности: две заверенных подписи для русского текста и три заверенных подписи для нерусского текста. Использование междугородных телефонных линий и телекса контролировалось в каждой организации специальными процедурами и само понятие «персональный компьютер» объективно подрывало советскую бюрократию, в том числе и научную. Распространение информационной технологии как в машинах, так и в ноу-хау, едва ли могло иметь место в обществе, где контроль над информацией имел решающую важность для легитимности государства и для контроля над населением. Чем больше коммуникационные технологии делали внешний мир доступным воображению советских фаждан, тем более становилось объективно разрушительным дать такие технологии населению, которое, по большей части, перешло от подчинения террору к пассивной рутине на основе недостатка информации и альтернативных взглядов на мир. Так, по самой своей сущности советский этатизм не позволил себе распространения информационных технологий в социальной системе, а без этого распространения информационные технологии не могли развиваться за пределами специфических функциональных целей, назначаемых государством, таким образом делая невозможным процесс спонтанной инновации путем использования сетевых взаимодействий, которое характеризует информационно-технологическую парадигму.

Таким образом, в ядре технологического кризиса Советского Союза лежит фундаментальная логика этатистской системы: подавляющий приоритет военной мощи; политико-идеологический контроль над информацией со стороны государства; бюрократические принципы централизованно планируемой экономики; изоляция от остального мира; неспособность технологически модернизировать неко-

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

торые сегменты экономики и общества, не изменяя всю систему, в которой такие элементы взаимодействуют друг с другом.

Последствия этой технологической отсталости в тот самый момент, когда развитые капиталистические страны были вовлечены в фундаментальную технологическую трансформацию, имели большое значение для Советского Союза и, в конечном счете, стали одним из главных факторов, приведших к его развалу. Экономика не могла перейти от экстенсивной к интенсивной модели развития, что ускорило ее упадок. Растущий технологический разрыв обессилил Советский Союз в мировом экономическом соревновании, закрывая двери перед выгодами международной торговли и оставив СССР лишь роль экспортера энергии и сырья. Высокообразованное население страны оказалось в ловушке технологической системы, которая все более и более удалялась от сравнимых индустриальных обществ. Применение компьютеров в бюрократической системе и командной экономике увеличило жесткость контроля (24), подтверждая гипотезу, согласно которой технологическая рационализация социальной иррациональности увеличивает беспорядок. В конечном счете, сама военная машина начала страдать *vis a vis* растущего технологического отставания от противников (17; 42; 50; 82), углубляя кризис Советского государства.

Похищение идентичности и кризис советского федерализма

Многие из наших национальных проблем вызваны противоречивым характером двух принципов, которые были заложены как краеугольные камни Российской Федерации: национально-территориальный принцип и административно-территориальный принцип.

Борис Ельцин. Российская газета. 25 февраля 1994 г.

Реформы Горбачева эксплицитно были нацелены вначале на экономическую перестройку и технологическую модернизацию. Однако беды советской системы лежали не только в этих областях. Основы многонационального, многоэтничного, многослойного советского федерального государства были построены на зыбучем песке реконструированной истории и с трудом поддерживались путем безжалостных репрессий (117). После массовых высылки целых этнических групп в Сибирь и Центральную Азию при Сталине (83), на автономное выражение национализма среди более сотни национальностей и этнических групп, населявших Советский Союз, был наложен железный запрет (84; 85). Хотя изолированные националистические демонстрации и имели место (например, Армения, апрель 1965 г.; Грузия, апрель 1978 г.), иногда подавленные силой (например, Тбилиси, март 1956 г.), большинство выражений националистических чувств долгое время подавлялось и подхватывалось только интеллектуалами-диссидентами в редкие моменты относительной терпимости при Хрущеве или в конце 70-х годов (86). Однако то было давление национализма, используемого в личных интересах политическими элитами республик, и именно оно, в конечном счете, обрекло на провал реформистский эксперимент Горбачева и привело к распаду Советского Союза. Национализм, включая русский национализм, давал идеологическую основу для социальной мобилизации в обществе, где строго политические идеологии, не опирающиеся на исторически-

культурную идентичность, страдали от цинизма и неверия, созданного семью десятилетиями внушения идей коммунистической утопии (87; 88). Хотя неспособность советского этатизма приспособиться к технологическим и экономическим условиям информационного общества была самой могущественной из основных причин кризиса советской системы, воскрешение национальной идентичности, либо исторически укорененной, либо вновь политически изобретенной, бросило первый вызов Советскому государству и, в конечном счете, разрушило его. Если реформы Андропова-Горбачева в 80-х годах подталкивались экономическими и технологическими проблемами, взрывная проблема мятежного национализма и федеративных отношений в Советском Союзе была главным политическим фактором, объясняющим потерю советским руководством контроля над процессом реформ.

Причины неудержимого подъема национализма в Советском Союзе в годы *перестройки* нужно искать в истории советского коммунизма. На деле это сложная история, которая гораздо глубже, чем упрощенный образ простого подавления национально-этнических культур Советским государством. В самом деле, один из ведущих историков нерусских национальностей в Советском Союзе, профессор армянской истории Рональд Григор Суни, утверждал: «В могущественной националистической риторике потерялось какое-либо ощущение меры, в которой долгие и трудные годы правления коммунистической партии фактически продолжалось «становление наций» предреволюционного периода. Когда нынешнее поколение наблюдает саморазрушение Советского Союза, теряет из вида иронию, заключающуюся в том, что СССР был жертвой не только своего негативного влияния на нерусские народы, но и собственного «прогрессивного» вклада в процесс строительства наций. Глубоко противоречивая политика Советского государства подпитывала культурную уникальность разных народов, тем самым усиливая этническую солидарность и национальное сознание в нерусских республиках, хотя она и мешала полному выражению национальных требований, требуя подчинения навязанному политическому порядку» (89, с.101,130).

Попытаемся реконструировать логику этого важного политического парадокса.*

Советский Союз был основан в декабре 1922 г., и его многонациональное федеративное устройство было зафиксировано в конституции 1924 г. (18). Первоначально оно включало: Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (РСФСР), в которую входили, кроме России, ряд нерусских автономных республик; Украинскую Советскую Социалистическую Республику; Белорусскую Советскую Социалистическую Республику; и Закавказскую Федеративную Социалистическую Республику (последняя — чреватое взрывом искусственное объединение, которое свело вместе народы, столетиями питающие вражду друг к другу — грузин, азербайджанцев, армян и ряд меньших этнических групп, среди которых были ингуши, осетины, абхазы и месхетинцы). Членство в союзе было открыто всем существующим и будущим Советским Социалистическим Республикам мира. Осенью 1924 г. были включены две дополнительные республики: Узбекистан (образованный путем насильственной территориальной интеграции узбекского населения Туркестана, Бухары и Хорезма) и Туркмения. В 1936 г. были созданы три новые союзные республики под названиями Таджикистан,

* Теоретический анализ отношений между национализмом и мобилизацией, проведенной ленинистскими элитами, см Джовитт (90), который помещает свои аналитические основы в сравнительную перспективу.

Киргизия и Казахстан. Также в 1936 г. Закавказская Федерация была разделена на 3 республики: Грузию, Армению и Азербайджан, при этом внутри каждой из трех республик остались значительные этнические анклавы, которые со временем стали националистическими бомбами замедленного действия. В 1940 г. насильственное включение в состав СССР Эстонии, Латвии, Литвы и Молдовы (отнятой у Румынии) завершило строительство республиканской структуры Советского Союза. Его территориальная экспансия включала также аннексию Карелии и Тувы как автономных республик в составе СССР и включение новых территорий: Западной Украины и Западной Белоруссии, отнятых у Польши в период 1939-1944 гг., и Калининграда, отнятого у Германии в 1945 г. (91-93).

Формирование федеративного государства под названием Советский Союз было результатом компромисса, который последовал за интенсивными политическими и идеологическими дебатами в течение революционного периода (94). Первоначально большевистская позиция отрицала важность национальности как существенного критерия построения нового государства, поскольку пролетарский интернационализм на классовой основе должен был, как предполагалось, преодолеть национальные различия между трудящимися, эксплуатируемыми и, как показала первая мировая война, обманом вовлеченными буржуазным империализмом в межэтнические столкновения массами. Но в январе 1918 г. настоятельная необходимость найти военных союзников в гражданской войне, которая последовала за большевистским октябрьским переворотом, убедила Ленина в важности поддержки националистических сил за пределами России, особенно на Украине. Третий Всероссийский Съезд Советов в январе 1918 г. принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», очерчивающую превращение бывшей Российской Империи в «братский Союз Советских Республик России, свободно объединившихся на федеративной основе» (91, с.61). К этой «внутренней федерализации» России большевики в апреле 1918 г. добавили проект «внешней федерализации» других наций, открыто призывая в Союз народы Польши, Украины, Крыма, Закавказья, Туркестана, Киргизии, «и другие». Но критически важная дискуссия касалась принципа, по которому этническая и национальная идентичность должна признаваться в новом советском государстве. Ленин и Сталин противостояли взглядам бундовцев и других социалистов, которые хотели, чтобы национальные культуры были признаны во всей структуре государства, делая Советский Союз поистине многокультурным в его институтах. *Они противопоставили такому взгляду принцип территориальности в качестве основы национального существования* (89). Более того, этнические и национальные права должны были быть институционализированы в форме союзных республик, автономных республик и автономных областей. Результатом было полное замыкание национального вопроса в многослойной структуре Советского государства: идентичности признавались лишь настолько, насколько они были представлены в институтах государственного управления. Совмещение унитарного проекта Советского государства с признанием разнообразия его территориальных субъектов считалось выражением принципа демократического централизма (95). Таким образом, Советский Союз был сконструирован вокруг принципа двойной идентичности: этнических/национальных идентичностей (включая русскую) и советской идентичности в качестве основания новой культуры нового общества.

За пределами идеологии, территориальный принцип советского федерализма

состоял в применении смелой геополитической стратегии, основанной на распространении коммунизма по всему миру. А.М. Салмин предложил интересную модель интерпретации ленинско-сталинской стратегии, лежащей в основе советского федерализма (96). Советский Союз, по его мнению, был централизованной, но гибкой институциональной системой, структура которой должна была оставаться открытой и приспособленной для приема новых членов, которые должны были присоединяться к системе по мере того, как дело социализма неизбежно побеждало в остальном мире. Вот почему Советская Конституция 1924 г. устанавливала право республик не только вступать в Союз, но также и выходить из него, делая такие решения суверенными и обратимыми. История показала, насколько трудным стало применение права на отделение в практике Советского государства. Однако это был принцип, унаследованный из ранних революционных дебатов и воспроизведенный в Конституциях 1936 г. и 1977 г. В течение эры Горбачева этот принцип дал сепаратистским движениям правовую/институциональную базу, поймав, таким образом, революционную идеологию на слове и перевернув, а в конечном счете, разобрав на части странную конструкцию советского федерализма.*

В геополитической модели, предложенной Салминым, которая, как кажется, соответствует историческим свидетельствам, касающимся происхождения Советского государства (89), в качестве областей безопасности и волн экспансии Советского государства, как знаменосца мирового коммунизма, были очерчены пять концентрических кругов. Первый круг составляла Россия и подчиненные автономные республики, организованные в РСФСР. Она считалась ядром Советской власти до такой степени, что, как это ни парадоксально, это была единственная республика в СССР, не имевшая собственной коммунистической партийной организации, единственная республика без председателя республиканского Верховного Совета, и республика с наименее развитыми республиканскими государственными институтами. Иными словами, РСФСР была заповедным владением КПСС. Характерно, что РСФСР не имела сухопутных границ с потенциально агрессивным капиталистическим миром. Вокруг этого ядра советской власти союзными республиками, формально равными в правах с РСФСР, был сформирован второй защитный круг. Поскольку несколько автономных республик РСФСР, например, Чечня, были такими же нерусскими, как некоторые из союзных республик, казалось бы, реальный критерий их включения в одно или другое образование состоял именно в факте, что союзные республики имели непосредственные границы с внешним миром, таким образом, действуя в качестве территориального гласиса в целях безопасности. Третий круг образовывали «народные демократии» за пределами Советского Союза, но под прямым советским контролем — в военном и территориальном смысле. Первоначально так были образованы Хорезм и Бухара (позднее разделенные между Узбекистаном и Туркменией), Монголия и Танну-Тува. В 40-х годах народные демократии Восточной Европы также играли такую роль. Четвертый круг был представлен вассальными государствами просоветской ориентации (со временем в эту категорию вошли такие страны, как Куба, Вьетнам и Северная Корея), Китай никогда в действительности не считался принадлежащим к этой категории, несмотря на триумф коммунизма, и вскоре он стал рассматриваться как геополитическая угроза. Наконец, пятый круг был сформирован международным коммунистическим дви-

Об отношениях между национально-территориальным принципом советского федерализма и процессом распада Советского Союза см. глубокий анализ в (97). Перечень событий см. в (66).

жением по всему миру как эмбрионами экспансии Советского государства на всю планету, которые разовьются, когда исторические условия предопределят неизбежный закат капитализма (14; 89; 91; 94; 98).

Это постоянное противоречие между внеисторическим, построенным на классовой основе, универсализмом коммунистической утопии и геополитической заинтересованностью в поддержке этнических/национальных меньшинств как потенциальных территориальных союзников, определило шизофреническое раздвоение советской политики в национальном вопросе.

С одной стороны, национальные культуры и языки поддерживались и в некоторых случаях реконструировались в союзных республиках, автономных республиках и этнически очерченных территориях (*краях*). Политика *коренизации* поддерживалась Лениным и Сталиным вплоть до 30-х годов, поощряя использование туземных языков и обычаев, осуществляя «утверждающие действия», политику поощрения меньшинств в рекрутировании и карьере в государственном и партийном аппаратах в республиках и благоприятствование развитию эндогенных культурных и политических элит в республиканских институтах (89). Хотя эта политика страдала от последствий антинационалистических репрессий в годы коллективизации, при Хрущеве и Брежневе ее оживили, и это привело к консолидации в республиках могущественных национальных/этнических элит. Хрущев зашел так далеко в антирусской политике советского федерализма, что в 1954 г. (как говорят, после тяжелой пьянки в канун украинского национального праздника) внезапно решил передать Крым, исторически русскую территорию, Украине. Более того, в среднеазиатских и кавказских республиках в брежневские годы традиционные этнические сети патронажа объединялись членством в партии, чтобы установить плотную систему, которая связывала *номенклатуру*, клиентализм и теневую экономику в иерархической цепи личной преданности, которая распространялась вверх вплоть до Центрального Комитета в Москве, система, которую Элен Каррер д'Энкосс называет «мафиократией» (87). Так, когда в декабре 1986 г. Горбачев попытался очистить коррумпированный партийный аппарат в Казахстане, снятие казаха Динмухаммеда Кунаева, давнего брежневского протеже (Брежнев сам начинал карьеру как партийный шеф в Казахстане) и его замена русским в качестве секретаря партии, спровоцировало массовые бунты в Алма-Ате в защиту этнических прав казахов (99, с.40-45, 71-74, 94).

Величайший парадокс советской политики в отношении национальностей состоял в том, что русская культура и национальные традиции подавлялись Советским государством (89; 100). Русские традиции, религиозные символы и русская народная культура преследовались или игнорировались в зависимости от нужд коммунистической политики в каждый момент времени. Перераспределение экономических ресурсов шло обратно тому, что должен был бы диктовать «русский империализм» в межреспубликанских обменах (101; 102), Россия, в итоге, несла чистый убыток. Эта ситуация сохранилась и в посткоммунистическую эру (см. табл.5). Если мы обратимся к геополитической теории Салмина, мы увидим, что система оперировала так, как если бы сохранение коммунистической власти в России зависело от способности партии заманить в систему другие нации, не только подчиняя их путем репрессий, но также поощряя их преданность, предоставляя им больше ресурсов и прав, чем русским гражданам. Это не исключало, конечно, этнической дискриминации в главных институтах государства, например, в армии и в КГБ, где командо-

вание в подавляющем большинстве было русским; или политику русификации в языке, в средствах массовой информации, в культуре и науке (95). Однако в целом русский национализм обычно подавлялся (за исключением военных лет, когда наступление нацистских войск заставило Сталина воскресить Александра Невского) не меньше, чем культурная идентичность подчиненных наций. Вследствие этого, когда ослабление контроля в эпоху горбачевской *гласности* позволило национализму выплыть на поверхность, русский национализм был не единственным из получивших наиболее сильную массовую поддержку, но в альянсе с демократическими националистскими движениями в Балтийских республиках он фактически сыграл решающую роль в демонтаже Советского Союза. В противоположность этому, несмотря на сильную этническую/национальную специфичность, мусульманские республики Средней Азии были последним бастионом советского коммунизма и перешли к независимости только к концу процесса. Это произошло потому, что политическая элита этих республик родилась под прямым патронажем Москвы и их ресурсы сильно зависели от политически мотивированного перераспределительного процесса в Советском государстве (87).

С другой стороны, автономные выражения националистических чувств жестко подавлялись, особенно в течение 30-х годов, когда Сталин решил сломать хребет всей потенциальной оппозиции его программе ускоренной индустриализации и строительства военной мощи любой ценой. Выдающийся украинский коммунист Микола Скрыпник в 1933 г. совершил самоубийство, поняв, что мечта о национальной эмансипации в пределах Советского Союза была еще одной иллюзией в длинном списке неисполненных обещаний большевистской революции (98). Балтийские республики и Молдова были цинично аннексированы в 1940 г. на базе пакта Риббентропа-Молотова 1939 г., и выражение национальных чувств в этих областях строго ограничивалось вплоть до 80-х годов (86). Кроме того, этнические и национальные группы, лояльности которых не доверяли, подвергались массовым депортациям с их первоначальных территорий, а их автономные республики были ликвидированы. Так обстояло дело с крымскими татарами, немцами Поволжья, месхетинцами, чеченцами, ингушами, балкарцами, карачаевцами, калмыками (83). Кроме того, миллионы украинцев, эстонцев, литовцев, латышей, подозревавшихся в сотрудничестве с врагом в течение второй мировой войны, ждала такая же судьба.

Антисемитизм был постоянной чертой Советского государства и пронизывал сверху донизу все механизмы политического и профессионального продвижения (102). В дополнение к этому, политика индустриализации и заселения восточных районов привела к эмиграции (стимулируемой Советским государством) миллионов русских в другие республики, в которых они стали значительным меньшинством, или даже крупнейшей этнической группой (как в Казахстане), хотя в государственной системе их представляли туземные элиты каждой республики (см. табл.6). В финальном периоде существования Советского Союза около 60 млн. граждан жили за пределами своей родной земли (89). Эта в основном искусственная федеративная конструкция была скорее системой кооптации местных/региональных элит, чем признанием национальных прав. Реальная власть всегда была в руках КПСС, и партия на всей советской территории была организована иерархически, прямо передавая приказы из Москвы в партийные организации каждой союзной республики, автономной республики или области (45). Более того, в результате смешения различных национальных популяций в таком большом масштабе и столь длительное

М. КАСТЕПС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

время возникла новая советская идентичность, состоящая не только из идеологии, но и из семейных связей, дружбы и отношений по работе.

Таким образом, Советское государство признало национальную идентичность, за странным исключением русской идентичности, но одновременно оно определило идентичность в институтах, организованных на базе территориальности, в то время как национальные популяции во всем Советском Союзе были смешаны. В то же время оно практиковало этническую дискриминацию и запрещало выражение автономных националистических чувств вне сферы коммунистической власти. Эта противоречивая политика создала очень нестабильную политическую конструкцию, которая просуществовала лишь до тех пор, пока можно было поддерживать систематические репрессии с помощью национальных коммунистических политических элит,

Таблица 5
Баланс межреспубликанского обмена продуктами и ресурсами, 1987 г.

Республика	Баланс выпуска (млр руб.)		Полный баланс	
	Прямой	Полный	Основные фонды (млрд. руб.)	Трудовые ресурсы (млн. человек-лет)
Россия	3,65	-4,53	15,70	-0,78
Украина и Молдавия	2,19	10,30	8,61	0,87
Белоруссия	3,14	7,89	1,33	0,42
Казахстан	-5,43	-15,01	-17,50	-0,87
Средняя Азия	-5,80	-13,41	20,04	-0,89
Закавказье	3,20	7,78	2,48	0,57
Балтийские республики	-0,96	-0,39	-3,22	-0,05
Всего	0,00	-7,37	-12,63	-0,74

Источник: Granberg Alexander. The national and regional commodity markets in the USSR: trends and contradictions in the transition period» Papers in Regional Science, 1993 P. 3-23.

Таблица 6
Этнический состав автономных республик России, 1989 г.

Республика	Площадь (тыс. км ²)	Доля населения (%)	
		Титульная группа	Русские
Башкирская	144	21,9	39,3
Бурятская	351	24,0	70,0
Чечено-Ингушская	19	70,7	23,1
Чувашская	18	67,8	26,7
Дагестан	50	27,5 (аварцы)	9,2
Кабардино-Балкария	13	57,6	31,9
Калмыкия	76	45,4	37,7
Карелия	172	10,0	73,6
Коми	416	23,3	57,7
Марийская	23	43,3	47,5
Мордовская	26	32,5	60,8
Северо-Осетинская	8	53,0	29,9
Татарская	68	48,5	43,3
Тувинская	171	64,3	32,0
Удмуртская	42	30,9	58,9
Якутская	3103	33,4	50,3

Источник: Shaw, Denis J. B Geographical and historical observations on the future of a federal Russia. Post-Soviet Geography. P 532.

которые имели в Советском федеративном государстве свои корыстные интересы. Но, канализуя идентичность в национальном/этническом самоопределении в качестве единственно допустимого альтернативного выражения доминирующей социалистической идеологии, динамика Советского государства создала условия для того, чтобы ему бросили вызов. Политическая мобилизация национальных республик, включая Россию, против надстройки внационального федеративного государства была рычагом, который фактически и привел к коллапсу Советского Союза.

Новый *советский народ* как целостность, культурно отличная от каждой исторической национальности, был еще слишком хрупким, чтобы противостоять наступлению гражданских обществ на Советское государство. Парадоксально, но эта хрупкость в большой степени объяснялась коммунистическим упором на права национальных культур и институтов в рамках Советского государства, и этот упор непосредственно мотивировался геополитическими интересами КПСС как авангарда коммунистического движения, нацеленного на власть над миром. Поскольку народам было позволено самоопределение на основе их первичной национальной/этнической идентичности, идеологический вакуум, созданный падением марксизма-ленинизма, свел условия культурных дебатов к противостоянию между вялым цинизмом и заново открытым национализмом. Под железной рукой неограниченной коммунистической власти национализм лишь слегка сотрясал почву, но как только из-за политической необходимости процесса перестройки давление ослабло, сейсмические волны разрушили фундамент Советского государства.

Последняя перестройка*

В апреле 1983 г., примерно через шесть месяцев после смерти Брежнева, закрытый семинар, организованный в Новосибирске отделом социологии и Института экономики промышленного производства Академии наук СССР собрал вместе 120 участников из 17 городов для обсуждения смелого доклада, который осудил «существенное отставание производственных отношений в советском обществе от развития его производительных сил».** Новосибирский доклад, предназначенный ис-

* Этот и следующие разделы основаны, главным образом, на полевых исследованиях, интервью и личных наблюдениях, моих собственных и моих сотрудников в России, как отмечалось выше, в период 1989-1996 гг. Соответствующие интервью были взяты у А. Аганбегяна, Т. Заславской, С. Шаталина, В. Ядова, Б. Орлова, А. Хандруева, Ю. Афанасьева,

Г Бурбулиса, Е. Гайдара, А. Шохина, А Головкова и нескольких чиновников высокого ранга Совета Министров СССР (1990-1991 гг.) и Правительства Российской Федерации (1991-1992 гг) (105). Информация о политической структуре Советского Союза и политических процессах между 1990 г и 1993 г., основанная на русских источниках и интервью с политическими актерами, дана в (104). Специфические библиографические ссылки даны только когда это нужно для аргументации или событий, отмеченных в тексте. Я не считал необходимым давать специфические ссылки на сообщения в русской прессе о событиях и фактах, которые теперь известны всем. На английском имеется ряд превосходных журналистских материалов о процессе реформ и политическом конфликте в последнее десятилетие существования Советского Союза. Лучшие из них — Кайзер (105) и лауреат Пулитцеровской Премии Дэвид Ремник (106).

** Подлинная история новосибирского доклада отличается от того, что сообщалось в средствах массовой информации и принято научным сообществом (107). Широко признанный автор доклада, социолог Татьяна Ивановна Заславская, написала Э Киселевой и мне свой собственный отчет о происхождении и применении новосибирского доклада. Его происхождение не связано, как сообщалось, с совещанием в экономическом отделе Центрального Комитета КПСС. Центральный Комитет даже не обсуждал документ как таковой. Доклад был подготовлен для дискуссии на академическом совещании в Институте экономики промышленного производства в Новосибирске. Его распространение было запрещено, на нем стоял штамп "для служебного пользования", каждый экземпляр был пронумерован и предназначен исключительно для участников совещания. В течение совещания в Новосибирске исчезли два экземпляра КТБ немедленно попытался их найти, искал их по всему институту и конфисковал все экземпляры у участников совещания и первоначальную рукопись доклада Т. Заславская не смогла сохранить ни единой копии собственного доклада и получила ее только в 1989 г. в качестве личного подарка от БиБиСи. По словам Т. Заславской, Горбачев прочел доклад только

ключительно для служебного пользования, таинственным образом просочился в *Washington Post*, которая опубликовала его в августе 1983 г. Влияние доклада за границей побудило Горбачева, еще не имевшего полной власти, прочесть и неформально обсудить доклад в высших кругах партии. Доклад был подготовлен под руководством социолога Татьяны Заславской в Новосибирском институте. Директором института в то время был один из ведущих советских экономистов Абел Аганбегян. Всего два года спустя Аганбегян стал старшим экономическим советником только что назначенного генерального секретаря Михаила Горбачева. С Татьяной Заславской, как с директором первого серьезного Института общественного мнения в Москве, часто консультировался Горбачев, до тех пор, пока ее данные не начали показывать снижение популярности Горбачева в 1988 г. Обычно считается, что тезисы, представленные в новосибирском документе, непосредственно вдохновили доклад Горбачева XXVII съезду КПСС 23 февраля 1986 г. В своем докладе генеральный секретарь поставил под вопрос господство «административных методов» в управлении сложной экономикой, провозгласив то, что оказалось самой амбициозной *перестройкой* в российской истории.

Горбачевская *перестройка* родилась из попыток Андропова вывести партийный корабль из застойных вод последних брежневских лет (108). Будучи шефом КГБ с 1967 г., Андропов имел достаточно информации, чтобы знать, что теневая экономика распространилась на всю систему, вызывая дезорганизацию командной экономики и распространив коррупцию на высшие уровни государственного руководства, вплоть до семьи Брежнева. Трудовая дисциплина рухнула, идеологическая индоктринация столкнулась с массовым цинизмом, поднималось политическое диссидентство, а война в Афганистане показывала, насколько технология советских вооруженных сил отставала в обычных, основанных на электронике вооружениях. Андропов добился успеха, получив поддержку младшего поколения советских лидеров, которые выросли в постсталинистском обществе и были готовы модернизировать страну, открыть ее миру и положить конец менталитету осадного положения, который еще господствовал в старой гвардии Политбюро.

Таким образом, системные противоречия, очерченные в предшествующих разделах нашего исследования, дошли до критической точки потенциального краха. Но осторожное советское руководство не было готово рисковать. Как часто бывает в истории, структурные сдвиги не затрагивают исторические процессы до тех пор, пока не объединяются с личными интересами социальных и политических акторов. В действительности, эти новые акторы были способны организовать в КПСС вокруг Андропова только потому, что назначенный Брежневым наследник, Андрей Кириленко, был инвалидом из-за атеросклероза. Несмотря на краткое пребывание у власти (15 месяцев с момента выбора на пост генерального секретаря до своей смерти) и очень слабое здоровье в течение этих месяцев, Андропов сыграл решающую роль, проложив путь горбачевским реформам, назначив Горбачева своим заместителем, очистив партию и создав сеть реформато-

после его публикации на Западе в августе 1983 г. Кажется вероятным, что он использовал некоторые идеи доклада в разработке своей собственной реформистской стратегии еще в октябре 1984 г. на совещании Центрального Комитета по проблемам руководства экономикой. Некоторые наблюдатели прослеживают связь между определенными ключевыми элементами критически важного доклада Горбачева на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г., и темами, разработанными Т. Заславской в новосибирском докладе. Однако, сама Т. Заславская намного более скептически относится к своему интеллектуальному влиянию на Горбачева и советское руководство.

ров, на которых Горбачев мог позднее опереться (50; 48). Этих реформаторов трудно назвать либералами. Ведущими членами группы были Егор Лигачев, идеолог, который затем возглавил сопротивление Горбачеву в период *перестройки*, и Николай Рыжков, который позже, как горбачевский премьер-министр, защищал командную экономику от либеральных предложений Шаталина, Явлинского и других прорыночных экономистов. Первоначальные андроповские проекты реформ были сосредоточены на восстановлении порядка, честности и дисциплины в партии и на рабочих местах с помощью сильного и честного правительства. И в самом деле, после того, как при коротком правлении Черненко пали последние бастионы старой гвардии, и Горбачев в марте 1985 г. был, наконец, избран, его первый вариант *перестройки* почти повторял андроповские темы. Были заявлены две главных политических цели: технологическая модернизация, начиная со станкостроения, и восстановление трудовой дисциплины путем призыва трудящихся к ответственности и начала решительной антиалкогольной кампании.

Вскоре стало очевидным, что исправление недостатков советской системы, описанных в новосибирском докладе, требовало крупной реконструкции институтов и политики, внутренней и внешней (109). Исторической заслугой Горбачева было то, что он полностью понял эту необходимость и посмел ответить на вызов, будучи убежденным в том, что твердость коммунистической партии, в фундаментальные принципы которой он никогда не переставал верить, могла вынести болезненную *перестройку*, и что из этого процесса возникнет новый здоровый социалистический Советский Союз. В 1986 г. на XXVII съезде КПСС он обнародовал ряд политических мер, которые останутся в истории как горбачевская *перестройка*.

Последняя коммунистическая *перестройка*, как и ее предшественницы в советской и русской истории, шла сверху вниз без какого-либо участия гражданского общества в ее начале и раннем осуществлении. Она не была реакцией на давление снизу или извне системы. Она была нацелена на исправление внутренних недостатков изнутри системы, сохраняя нетронутыми ее фундаментальные принципы: монополию коммунистической партии на власть, командной экономики и унитарного советского государства со статусом сверхдержавы.

В самом строгом смысле слова, горбачевская *перестройка* включала ряд политических мер, нацеленных на *перестройку* советского коммунизма, решения по которым принимались лично Горбачевым между февралем 1986 г. (XXVII съезд) и сентябрем-ноябрем 1990 г., когда Горбачев отверг «план 500 дней» перехода к рыночной экономике и уступил давлению ЦК КПСС, назначив консервативное правительство, которое почти остановило реформы и со временем устроило в августе 1991 г. переворот против самого Горбачева.

Перестройка имела четыре главных, различных, однако взаимосвязанных измерения: (а) разоружение, освобождение стран советской империи в Восточной Европе и окончание холодной войны; (б) экономическая реформа; (в) постепенная либерализация общественного мнения, средств массовой информации и культурных выражений (так называемая гласность); (г) контролируемая демократизация и децентрализация коммунистической системы. Довольно важно, что националистические требования в Советском Союзе не стояли на повестке дня до тех пор, пока конфликт в Нагорном Карабахе, мобилизация в Балтийских республиках и бойня в Тбилиси в 1989 г. не заставили Горбачева иметь дело с этими проблемами.

Окончание холодной войны останется в истории как фундаментальный дар

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

Горбачева человечеству. Без его личного решения поймать Запад на слове и преодолеть сопротивление советских ястребов в истеблишменте КГБ, было бы мало вероятно, чтобы процесс разоружения и частичного демонтажа советского и американского ядерного арсенала зашел бы так далеко как сейчас, несмотря на ограничения и задержки в этом процессе. Более того, инициатива Горбачева сыграла решающую роль в падении коммунистических режимов в Восточной Европе, поскольку он даже угрожал (за сценой) использовать советские войска, чтобы помешать намерению штази расстрелять демонстрации в Лейпциге. Отказ от контроля над Восточной Европой был блестящим ходом Горбачева, сделавшим разоружение и поистине мирное сосуществование с Западом возможным. Оба процесса были незаменимы для атаки на проблемы Советской экономики и установления ее связи с мировой экономикой, что и было конечной целью Горбачева. Только если бремя гигантских военных усилий снималось с плеч Советского государства, человеческие и экономические ресурсы можно было переориентировать на технологическую модернизацию, производство потребительских товаров и повышение жизненного уровня населения, открывая таким образом новые источники легитимности советской системы.

Однако экономические реформы оказались трудными, даже принимая в расчет надежды на будущее разоружение (77). Конверсия военных предприятий оказалась настолько обременительной, что ее не удалось провести даже после нескольких лет посткоммунистического режима в России. В 1986 г. упали мировые цены на нефть, обусловив падение производительности и объемов добычи на сибирских нефтяных и газовых месторождениях. Как следствие, валютный буфер, который около десятилетия оберегал Советский Союз от крупных экономических нехваток, стал истончаться, увеличивая трудности переходного периода. Трагическая ядерная катастрофа в Чернобыле в апреле 1986 г. показала, что технологическая отсталость советского индустриализма достигла опасного уровня. На деле катастрофа помогла либерализации, дав Горбачеву дополнительные аргументы в пользу перетряхивания государственной бюрократии. Однако наиболее серьезные препятствия экономической реформе возникали в Советском государстве, даже в рядах самих горбачевских реформаторов. Хотя соглашение о постепенном движении к введению полурыночных механизмов в некоторых секторах (главным образом в жилье и услугах) было достигнуто, ни Горбачев, ни его экономические советники на деле не собирались признать частную собственность на землю и средства производства, либерализовать цены во всей экономике, освободить кредит от прямого контроля Госбанка или демонтировать ядро плановой экономики. Попробуй они начать эти реформы по типу «500 дней» — плана, разработанного Шаталиным и Явлинским летом 1990 г., они столкнулись бы с упорной оппозицией со стороны советского государственного аппарата и руководства коммунистической партии. И в самом деле, именно это и произошло, когда они намекнули на такую возможность летом 1990 г. В основании трудностей, внутренне присущих *перестройке*, лежала личная и политическая противоречивость Горбачева, который пытался реформировать систему, используя коммунистическую партию и одновременно двигаясь в направлении, которое должно было, в конечном счете, подорвать власть самой партии. Политика «стой и иди», вытекавшая из таких половинчатых реформ, буквально дезорганизовала советскую экономику, спровоцировав массовый дефицит и инфляцию. Инфляция питала спекуляцию и

нелегальное накопление запасов, готовя почву для еще большего распространения теневой экономики во всех областях деятельности. От вспомогательной роли прибыльного паразита командной экономики теневая экономика перешла к захвату целых секторов торговли и распределения товаров и услуг, так что на долгое время и еще более после падения коммунизма бывшая теневая экономика со своими когортами криминальных мафий и коррумпированных чиновников стала господствующей организационной формой ориентированной на прибыль экономической деятельности в Союзе и в обществах, которые ему наследовали (ПО). Захват теневой экономикой самых динамичных экономических секторов еще более дезорганизовал бывшую плановую экономику, ввергнув советскую экономику в 1990 г. в хаос и гиперинфляцию.

Горбачев не был идеалистом-визионером, он был прагматическим лидером, опытным мастером партийной политики, который сталкивался с эндемичными проблемами советского сельского хозяйства в своем родном Ставропольском крае. Он был уверен в своей способности перехитрить, убедить, привлечь, купить и, если необходимо, подавить своих политических противников, когда этого требовали обстоятельства. Его *перестройка* стала одновременно радикализованной и парализованной, потому что он искренне верил, что может усовершенствовать систему, не восстановив против себя фундаментальные социальные интересы, которые поддерживали советский коммунизм. В этом смысле он оказался одновременно социологически наивным и политически самонадеянным. Если бы он уделял более пристальное внимание социологическому анализу, скрыто присутствующему в документе Заславской, он бы яснее понимал социальные группы, на которые мог бы опереться, и тех людей, которые, в конечном счете, противодействовали любой серьезной попытке основать систему на другой логике, будь то логика политической демократии или рыночной экономики. В конечном счете, судьбу политических проектов определяет структура общества. Вот почему на этом этапе анализа важно вспомнить, какова была базовая социальная структура, на которую опиралась система власти в советском элитарном обществе. Сущность власти в советском обществе представляли четыре крупных группы интересов (85; 104; 111; 112):

1. Коммунистические идеологи, занятые защитой марксистско-ленинских ценностей и их господства над социальными обычаями и институтами. Это были доктринеры коммунистической партии (возглавляемые в годы *перестройки* Лигачевым), но группа включала также людей, обладающих властью в аппаратах культуры и средств массовой информации, от прессы, телевидения и радио до Академии наук и университетов, включая также официальных художников и писателей.

2. Властвующая элита государственного аппарата, заинтересованная в сохранении своей монополии на власть в Советском государстве, источнике экстраординарных привилегий, до такой степени, что эта группа представляла собой скорее касту, чем класс. Эта властвующая элита сама подразделялась по крайней мере на четыре крупных категории, которые, очевидно, не исчерпывают сложную структуру Советского государства:

(а) Ядро политического аппарата КПСС, которое составляло источник *номенклатуры*, фактического правящего класса Советского Союза. Как известно, термин *номенклатура* имел точное значение: это был список государственных и партийных постов, при назначении на которые необходимо было иметь согласие соответствующей

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

щего партийного комитета по каждому человеку, которого назначали; в самом строгом и наиболее важном смысле верхушка *номенклатуры* (буквально тысячи постов) требовала официального согласия со стороны Центрального Комитета КПСС. Это был фундаментальный механизм, через который коммунистическая партия семьдесят лет контролировала Советское государство.

(b) Вторая отчетливая элитная группа государственного аппарата формировалась из чиновников Госплана, которые одни управляли всей советской экономикой и давали инструкции соответствующим министерствам и административным органам. Чиновники Госснаба и, до некоторой степени, Госбанка, также должны быть включены в эту категорию.

(c) Третью группу составляло командование Вооруженных Сил. Хотя оно было подчинено партии (особенно после уничтожения командного состава Сталиным в конце 30-х годов), автономия группы росла по мере того, как увеличивалась сложность армии, которая все более опиралась на технологию и разведку. Группа все чаще применяла свое право вето, и в последние десятилетия существования Советского Союза на них нельзя было рассчитывать без серьезных консультаций, как слишком поздно узнали путчисты 1991 г. (82).

(d) Последние по счету, но не по значению специальные силы КГБ и МВД продолжали играть важную и относительно автономную роль в Советском государстве, пытаясь воплощать интересы государства независимо от внутривнутрипартийной политической борьбы. Нужно помнить, что современный КГБ был создан после смерти Сталина в марте 1954 г., после того, как союз партийного руководства и вооруженных сил подавил попытку переворота Берии и МВД (бывшей политической полиции), с которой армия всегда была в плохих отношениях из-за воспоминаний о терроре 30-х годов. Так, несмотря на очевидную преемственность, КГБ 80-х годов не был прямым историческим наследником организации Дзержинского и Берии, но более профессиональной силой, еще зависящей от КПСС, но более заинтересованной во власти и стабильности Советского государства, чем в идеологической чистоте его коммунистического устройства (75). Это объясняет парадокс поддержки КГБ последнего раунда реформ от Андропова до Горбачева и его сопротивление перевороту 1991 г., несмотря на активное участие в нем шефа КГБ Крючкова.

3. Третья группа на советской политической сцене была сформирована руководителями больших государственных предприятий, особенно в двух главных секторах: военно-промышленном комплексе (52) и нефтяной и газовой промышленности (113; 114). Эта группа, хотя и профессионально компетентная и заинтересованная в технологической модернизации, была принципиальной противницей движения к рынку, демилитаризации экономики и ослабления контроля над внешней торговлей. Эти люди обладали экономической, политической и социальной властью на предприятиях и в ключевых городах и регионах по всей стране. Мобилизация этой властвующей элиты против реформ сыграла решающую роль в блокировании реформистских усилий Горбачева в Центральном Комитете КПСС, который в 1990 г. попал под контроль этой группы.*

* Группа, которая контролировала Центральный Комитет КПСС осенью 1990 г., которая блокировала реформы и проложила путь для подготовки путча, возглавлялась Лукьяновым, председателем Верховного Совета СССР; Гидасповым, ленинградским партийным секретарем; Маслоковым, Величко и Лаверовым, лидерами военно-промышленного комплекса, и Баклановым, секретарем военной комиссии Центрального Комитета. Считалось, что Бакланов играл решающую роль в подготовке путча; он был одним из членов ГКЧП, захватившего власть 19 августа 1991 г. (информация почерпнута из интервью с российскими политическими наблюдателями).

4. Наконец, последняя крайне важная группа пронизывала всю структуру Советского государства. Это была сеть, образованная *номенклатурой* и «боссами» теневой экономики. На деле члены этой группы лично не отличались от тех, которые были перечислены выше (это были те же самые люди), однако их структурная позиция в системе Советской власти была иной: источник их власти вытекал из связей с теневой экономикой. Эта группа была против демонтажа плановой экономики, поскольку группа могла процветать только в «трещинах» этой экономики. Однако, когда командная экономика начала разваливаться, теневая экономика, глубоко связанная с коммунистической *номенклатурой*, воспользовалась преимуществом положения, превратив всю экономику в гигантский спекулятивный механизм. Поскольку теневая экономика особенно расцветает в периоды экономического хаоса, квазикриминальные лидеры экономики, позднее превратившейся в дикий протокапитализм, были и остаются главным дестабилизирующим фактором в течение *перестройки* и того, что за ней последовало (110).

Такова была вкратце совокупность могущественных групп, в борьбе против которых Горбачев пытался реформировать коммунизм, не отменяя привилегий, создаваемых системой. Идеологов он победил легко. Когда система достигает кризисной точки, механизмы легитимизации ценностей системы могут идти туда, откуда пришли, если тем временем в материальных интересах господствующих элит создаются и воплощаются новые формы культурного господства. Отступление Лигачевых и Нин Андреевых стало отличной меркой прогресса реформы. Армия была более могущественной силой, с которой надо было считаться, поскольку военным всегда трудно смириться с уменьшением власти, особенно, когда это происходит одновременно с шоком (стало ясно, что целые воинские части не могут быть возвращены на родину, поскольку отсутствует жилье и коммунальные службы). Однако Горбачев выиграл согласие военных на разоружение, строя аргументацию на их понимании необходимости перегруппировать и перевооружить войска после проигрыша технологической гонки в обычных вооружениях. Маршал Огарков, начальник Генерального Штаба, был уволен в сентябре 1984 г., через год после того, как он публично объявил о необходимости повышения военного бюджета с целью обновить технологический уровень советских вооружений, отставание которых обнаружилось в 1982 г. в воздушной войне, которую устроили израильские военно-воздушные силы сирийским самолетам в долине Бекаа. Однако его призыв был принят, и Горбачев увеличил военный бюджет, невзирая на тяжелые экономические трудности. Военные планы Горбачева не слишком отличались от планов американской администрации: они были нацелены на постепенное сокращение затрат, на демонтаж бесполезного множества излишних ядерных ракет и на повышение профессионального и технологического качества советских вооруженных сил до уровня сверхдержавы, не стремящейся к ядерному уничтожению. Эту стратегию фактически поддерживали и вооруженные силы, и КГБ, которые поэтому в принципе не возражали против реформ, при условии, что не будут нарушены два условия: территориальная целостность Советского государства и контроль Министерства обороны над военно-промышленным комплексом. Так, хотя Горбачев казался убежденным в поддержке армии и сил безопасности, эти два не подлежащих обсуждению условия решающим образом вредили горбачевским реформам, поскольку на практике они означали, что национализм должен быть подавлен (безотносительно к личным

взглядам Горбачева) и что ядро промышленности не могло работать по рыночным правилам.

Между 1987 г. и 1990 г. партийная *номенклатура*, высшая государственная бюрократия, военно-промышленный комплекс, нефтяные генералы и боссы теневой экономики эффективно сопротивлялись горбачевским реформам, проигрывая идеологические битвы, но вновь окапываясь в структуре партии и государственной бюрократии. Горбачевские указы постепенно становились «бумажными тиграми», как происходило столь часто в истории русских *перестроек*.

Но Горбачев был боец. Он не пожелал следовать за Хрущевым к историческому поражению и рассчитывал на поддержку нового поколения коммунистических лидеров против советской геронтократии, на симпатии Запада, на разброд в государственной бюрократии и на нейтралитет армии и сил безопасности во внутренней политической борьбе. Поэтому, чтобы преодолеть сопротивление групп интересов, которое стало политическим препятствием *перестройке*, и не теряя веры в будущее социализма и в реформированную коммунистическую партию как инструмент *перестройки*, Горбачев призвал гражданское общество мобилизоваться в поддержку его реформ: *ускорение* привело к *перестройке*, а *перестройка* стала зависеть от *гласности*, открывая дорогу демократизации (115). При этом он неумышленно инициировал процесс, который в конечном счете привел к краху коммунистической партии, Советского государства и его собственной власти. Однако, хотя для большинства советского народа Горбачев был последним коммунистическим вождем государства, а для коммунистического большинства предателем, который разрушил наследие Ленина, в истории Горбачев останется героем, который изменил мир, разрушив Советскую Империю, хотя он этого не знал и не желал.

Национализм, демократия и распад Советского государства

Либерализация политики и средств массовой информации, вызванная решением Горбачева привлечь гражданское общество к поддержке своих реформ, мобилизовала общественное мнение вокруг некоторого набора тем. Регенерация исторической памяти, стимулированная осмелевшей советской прессой и телевидением, вывело на сцену общественное мнение, идеологии и ценности внезапно освобожденного общества. Выражалось все это достаточно путано, но все виды официальных истин единодушно отвергались. Между 1987 г. и 1991 г., в набирающем силу социальном вихре, интеллектуалы осуждали систему, рабочие бастовали в защиту своих требований и своих прав, экологи обнародовали данные о катастрофах в природной среде, группы защитников прав человека протестовали, движение «Мемориал» напоминало об ужасах сталинизма, а избиратели на парламентских и местных выборах использовали каждую возможность, чтобы провалить официальных кандидатов Коммунистической партии, делегитимизируя установленную структуру власти.

Однако самые мощная мобилизация и прямой вызов Советскому государству пришли со стороны националистических движений (87). В феврале 1988 г. резня армян азербайджанцами в Сумгаите возродила латентный конфликт в армянском анклаве Нагорный Карабах в Азербайджане, конфликт, который выродился в открытую войну и заставил Советскую Армию вмешаться и установить прямое управление территорией из Москвы. Межэтническая напряженность на Кавказе взорвалась, перейдя после десятилетий насильственного подавления и искусственной интеграции в открытую конфронтацию. В 1989 г. сотни людей были

убиты в Ферганской долине в Узбекистане во время вспышки насилия между узбеками и месхетинцами. 9 апреля 1989 г. массовая мирная демонстрация грузинских националистов в Тбилиси была разогнана с применением отравляющих газов, было убито 23 человека. Москве пришлось начать расследование. Также в начале 1989 г. Молдавский национальный фронт начал кампанию за независимость республики и последующее воссоединение с Румынией.

Однако самая мощная и бескомпромиссная националистическая мобилизация возникла в Прибалтийских республиках. В августе 1988 г. публикация секретного договора 1939 г. между Сталиным и Гитлером об аннексии Балтийских республик привела к массовым демонстрациям в трех республиках и формированию в каждой из них народных фронтов. После этого эстонский парламент проголосовал за то, чтобы изменить свой часовой пояс, перейдя с московского времени на финское. Литва начала выпускать собственные паспорта. В августе 1989 г. в знак протеста против 50-й годовщины пакта Риббентропа-Молотова 2 млн. человек образовали живую цепь через территорию трех республик. Весной 1989 г. Верховные Советы трех республик объявили о суверенитете и праве отменять законодательство Москвы, начав открытую конфронтацию с советским руководством, которое ответило наложением эмбарго на поставки в Литву.

Характерно, что мусульманские республики Средней Азии и Кавказа не взбунтовались против Советского государства, хотя исламизм находился на подъеме, особенно среди интеллектуальных элит. Конфликты в Средней Азии и на Кавказе все более принимали форму межэтнической конфронтации и политических гражданских войн в пределах республик (как в Грузии) или между республиками (например, Азербайджан против Армении).

Национализм был не только выражением коллективной этнической идентичности. Это была господствующая форма демократического движения во всем Советском Союзе, и особенно в России. «Демократическое движение», которое возглавляло процесс политической мобилизации в главных городских центрах Советского Союза, никогда не было организованным фронтом, так же как «Демократическая Россия», популярное движение, основанное Юрием Афанасьевым и другими интеллектуалами, не было партией. Были дюжины протопартий всех политических оттенков, но в целом движение было глубоко антипартийным, если говорить об историческом опыте высоко структурированных организаций. Недоверие к формализованным идеологиям и партийной политике привело социо-политические движения, особенно в России, но также в Армении и в Балтийских республиках, к неотчетливому структурированию вокруг двух признаков идентичности: с одной стороны, отрицанию советского коммунизма в какой бы то ни было форме, перестроенной или нет; с другой стороны, утверждению коллективной первичной идентичности, самым широким выражением которой была национальная идентичность, единственная историческая память, к которой люди могли обратиться после вакуума, созданного марксизмом-ленинизмом и его кончиной. В России этот обновленный национализм нашел особенно сильный отклик среди людей как реакция на антирусский национализм других республик. Так, как часто бывает в истории, разные национализмы подпитывали друг друга. Вот почему Ельцин, вопреки всему, стал единственным русским политическим лидером, получившим массовую народную поддержку и доверие, несмотря на все попытки Горбачева и КПСС разрушить его имидж и его репутацию (а может

быть, благодаря этим попыткам). Геннадий Бурбулис, главный политический советник Ельцина в 1988-1992 гг. пытался объяснить в одном из наших разговоров в 1991 г. глубокие причины популярности Ельцина в русском народе. Стоит процитировать его буквально: «Западные наблюдатели не понимают того, что после 70 лет сталинского террора и угнетения всякого независимого мышления, российское общество является глубоко иррациональным. А общество, которое довели до иррациональности, мобилизуется, в первую очередь, вокруг мифов. Этот миф в современной России именуется Ельцин. Вот почему, он является единственной подлинной силой демократического движения».*

И в самом деле, на решающей демонстрации 28 марта 1991 г. в Москве, когда демократическое движение решительно противостояло Горбачеву и заняло улицы, несмотря на его запрет, игнорируя присутствие войск, сотни тысяч демонстрантов выкрикивали всего два митинговых лозунга: «Россия!» и «Ельцин! Ельцин!» Утверждение забытого и отрицание настоящего символизировалось человеком, который смог сказать «Нет!» и все же уцелел. Это были единственные ясные общие принципы рожденного заново гражданского общества.

Связь между демократическим движением, националистической мобилизацией и процессом демонтажа Советской власти была парадоксально предопределена структурой Советского федеративного государства. Поскольку вся власть была сосредоточена в ЦК КПСС и центральных институтах Советского государства (Съезд Народных Депутатов, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР и Президент СССР), процесс демократизации при Горбачеве принял форму, при которой конкурирующим кандидатам (но не свободным политическим ассоциациям) позволили баллотироваться в советы городов, районов и республик. Одновременно сохранялся жесткий контроль над Съездом Народных Депутатов СССР и Верховным Советом СССР. Между 1989 г. и 1991 г. большинство в местных Советах крупных городов и в республиканских парламентах перешло к кандидатам, противостоявшим официальным коммунистическим кандидатам.

Казалось, что иерархическая структура Советского государства ограничивала ущерб, нанесенный механизмам политического контроля. Однако стратегия, умышленно разработанная политическими стратегами демократического движения, в особенности теми, кто работал с Ельциным, была направлена на консолидацию власти в представительных республиканских институтах, а затем на использование этих институтов в качестве рычага против центральных органов Советского государства, требуя для республик возможно больше власти. Таким образом, то, что казалось автономистским или сепаратистским движением, было также движением, направленным на выход из-под власти Советского государства и, в конечном счете, на освобождение от контроля коммунистической партии. Это стратегия объясняет, почему решающая политическая борьба в 1990-1991 гг. в России сосредоточилась на усилении власти и автономии Российской Федерации, единственной республики, не имеющей председателя республиканского парламента. Так, в то время как Горбачев думал, что он мог праздновать победу, когда он выиграл большинство голосов народа на референдуме по новому Союзному договору 15 марта 1991 г., на деле результатом референдума было начало конца Советского Союза. Сторонники Ельцина смогли поставить на голосование вопрос, требующий прямых народных выборов президента Российской Федерации с

* Интервью с Г. Бурбулисом 2 апреля 1991 г.

точной датой выборов — 12 июня. Утверждение этого вопроса электоратом автоматически требовало таких выборов, а это было намного важнее, чем одобрение расплывчатых предложений Горбачева по поводу нового федеративного государства. Когда Ельцин стал первым демократически избранным главой Российского государства, была создана фундаментальная трещина между представителями политической структуры России и других республик и все более изолированной надстройкой Советского федерального государства. На этом этапе только решительные массовые репрессии могли бы снова вернуть процесс под контроль.

Но советская коммунистическая партия была не в состоянии начать репрессии. Горбачевские маневры раскололи, расстроили и дезорганизовали ее, в ее ряды проникли ценности и проекты возрожденного общества. Под воздействием критики со всех сторон политическая *номенклатура* потеряла уверенность в себе.* Например, выборы Ельцина на место председателя Российского парламента в марте 1991 г. стали возможными только потому, что важная фракция вновь созданной Российской коммунистической партии, возглавляемая Руцким, присоединилась к лагерю демократов против национал-коммунистического лидерства Полозкова, лидера большинства Российской коммунистической партии, который находился в открытой оппозиции Горбачеву. На самом деле самая влиятельная группа ЦК КПСС, более или менее объединившаяся вокруг Анатолия Лукьянова, председателя Верховного Совета СССР (и товарища Горбачева по юридическому факультету университета), осенью 1990 г. решила положить предел дальнейшим реформам. Назначенное тогда правительство Павлова нацелилось на восстановление командной экономики. В городах, начиная с Балтийских республик, были приняты полицейские меры для восстановления порядка и ограничения национализма. Но жестокая атака на телецентр в Вильнюсе, проведенная спецназом МВД в январе 1991 г., подтолкнула Горбачева потребовать сдержанности и приостановки репрессий. К июлю 1991 г. Горбачев, в качестве единственного пути к спасению Советского Союза, был готов установить новый союзный договор без 6 из 15 республик (минус Балтийские республики, Молдавия, Грузия и Армения) и дать республикам широкие полномочия. В своей речи перед Центральным Комитетом 25 июля 1991 г. Горбачев обрисовал также идеологическую программу отказа от ленинизма и обращения партии к демократическому социализму. Победа была легкой. Уже после того, как реальные силы Центрального Комитета и большая часть Советского правительства потерпели неудачу в попытке контролировать процесс через стандартные институциональные процедуры, которые больше не работали, поскольку большинство республик, и особенно Россия, освободились от контроля центральных органов Советского государства, они занялись подготовкой путча против своего Генерального Секретаря и Президента.

Обстоятельства путча августа 1991 г., события, которые ускорили распад Советского Союза, не были полностью обнародованы, и сомнительно, что это произойдет скоро, учитывая путаницу политических интересов, сплетенных вокруг заговора. При поверхностном взгляде может показаться удивительным, что путч, организованный в ЦК КПСС с полным участием шефа КГБ, министра внутренних дел, министра обороны, вице-президента СССР и большей части Советского правительства мог потерпеть неудачу. И в самом деле, несмотря на весь представленный

* Потеря уверенности в себе со стороны партийной *номенклатуры* в качестве главного фактора, помешавшего быстрой реакции против реформ Горбачева, была показана Джорджем Бреслауером (108)

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

здесь анализ, касающийся неизбежности кризиса Советского Союза, путч 1991 г. мог бы преуспеть, если бы Ельцин и несколько тысяч его сторонников не противостали ему открыто, рискуя жизнью, рассчитывая на присутствие средств массовой информации как на свою символическую защиту, и если бы по всей России и в некоторых советских республиках люди из всех социальных слоев, встречаясь на работе, не выражали свою поддержку Ельцину, посылая десятки тысяч телеграмм в Москву, чтобы их позицию знали. После 70 лет репрессий люди были все еще сбиты с толку, но готовы, если необходимо, драться, чтобы защитить свою вновь обретенную свободу. Возможный успех переворота в краткосрочной перспективе не обязательно означал, что в условиях распада всей системы кризис Советского Союза можно было остановить. Однако кризис в принципе мог иметь другую развязку, и тогда ход истории оказался бы иным. Неудачу переворота определили два фундаментальных фактора: отношение КГБ и армии и тот факт, что в результате растущей изоляции верхушки государства коммунистическое руководство перестало понимать собственную страну. Важнейшие части сил безопасности отказались сотрудничать: элитное подразделение КГБ — «команда Альфа» — отказалась повиноваться приказу атаковать Белый дом и получила поддержку от ключевых командиров КГБ; парашютисты под командой генерала Павла Грачева объявили о лояльности Горбачеву и Ельцину, наконец, командующий ВВС генерал Шапошников пригрозил министру обороны, что будет бомбить Кремль. Капитуляция наступила через несколько часов после этого ультиматума. Эти решения вытекали из факта, что армия и КГБ в течение *перестройки* преобразились. Не то чтобы они стали активными сторонниками демократии, но на них непосредственно влияла эволюция общества в целом, так что любой решительный шаг против установленной командной иерархии мог расколоть вооруженные силы и открыть путь гражданской войне. Ни один ответственный командир не рискнет гражданской войной в армии, снабженной гигантским и разнообразным ядерным арсеналом. На деле сами организаторы *путча* не готовы были начать гражданскую войну. Они были убеждены, что демонстрации силы и легального смещения Горбачева по историческому образцу успешного снятия Хрущева было бы достаточно, чтобы вновь поставить страну под контроль. Они недооценили решимость Ельцина и не поняли новой роли средств массовой информации и степени, в которой эти средства вышли из-под коммунистического контроля. Они спланировали и осуществили переворот, как если бы они жили в Советском Союзе 60-х годов — когда они в последний раз выходили на улицу без телохранителей. Когда они обнаружили, что в последней четверти столетия выросла новая страна, было слишком поздно. Их падение стало падением их партийного государства. Однако демонтаж коммунистического государства и, более того, распад Советского Союза не были исторической необходимостью. Это потребовало обдуманных политических действий, выполненных в последующие месяцы маленькой группой решительных революционеров в чистейшей ленинской традиции. Стратеги Ельцина, возглавляемые Бурбулисом, бесспорным Макиавелли новой демократической России, довели до предела план раскола между социально укорененными институтами республик и изолированной к тому времени надстройкой Советского федеративного государства. Пока Горбачев отчаянно пытался оживить растворяющуюся коммунистическую партию и реформировать советские институты, Ельцин убедил украинского и белорусского коммунистических лидеров, быстро обратившихся к национализму и независимости, совместно выйти из Советского Союза.

Принятое 9 декабря 1991 г. в Беловежской пуще соглашение о роспуске Советского государства и создании расплывчатого Содружества Независимых Государств в качестве механизма для дележа наследства покойного Советского Союза среди новых суверенных республик означало конец одного из самых смелых и наиболее разрушительных экспериментов в человеческой истории. Но легкость, с которой Ельцин и его помощники провели демонтаж всего за четыре месяца, показывает абсолютный распад непомерно разросшегося государственного аппарата, который лишился корней в своем собственном обществе.

Шрамы истории, уроки для теории, наследство для общества

Советский эксперимент оставил решающий отпечаток на XX столетии, которое в целом вращалось вокруг его развития и последствий для всего мира. Он отбрасывал гигантскую тень не только на геополитику государств, но также на воображаемые конструкции социальных трансформаций. Несмотря на ужасы сталинизма, для левых сил и социальных движений всего мира советский коммунизм долгое время воплощал хотя бы надежду, и очень часто служил источником вдохновения и поддержки, воспринимаемым через искажающую завесу капиталистической пропаганды. Немногие интеллектуалы из поколений, рожденных в первой половине столетия, не увлекались дебатами вокруг марксизма, коммунизма и строительства Советского Союза. Множество ведущих западных специалистов в области социальных наук конструировали свои теории за, против и в связи с советским опытом. Некоторые самые видные критики советского коммунизма даже испытали в студенческие годы влияние троцкизма, ультра-большевистской идеологии. Факт, что все эти усилия, все эти человеческие страдания и страсти, все эти идеи, все эти мечты могли исчезнуть в такой короткий период времени, обнажив пустоту дебатов, является поразительным выражением нашей коллективной способности строить политические фантазии, такие могущественные, что они приводят к изменению хода истории, хотя и в направлении, противоположном задуманному историческим проектам. Может быть, в этом состоит самая болезненная неудача коммунистической утопии: крах и извращение революционных грез и надежд столь многих людей в России и во всем мире, превращение освобождения в угнетение, проекта бесклассового общества в кастовое государство, перехода от солидарности эксплуатируемых трудящихся к заговору *номенклатурных* аппаратчиков, преобразующихся в главарей теневой экономики мира. В итоге, несмотря на некоторые позитивные элементы в социальной политике постсталинской эры, советский эксперимент доставил большие страдания народам Советского Союза и мира в целом. Россию можно было индустриализировать и модернизировать иначе, не без боли, но без чудовищных человеческих жертв сталинского периода. Относительное социальное равенство, полная занятость и государство всеобщего благосостояния были достигнуты социал-демократическими режимами соседней, бедной тогда Скандинавии, без обращения к таким политическим крайностям. Нацистская машина была побеждена не Сталиным (который на самом деле обезглавил и ослабил Красную Армию как раз перед войной, чтобы навязать свой личный контроль), а историческим российским неприятием иностранного вторжения. Господство Коминтерна над большим сегментом миро-

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

вого революционного и коммунистического движения стерилизовало энергию, препятствовало политическим проектам и завело целые нации в тупик. Разделение Европы и мира на военные блоки замкнуло существенную часть технологических успехов и экономического роста послевоенных лет на бессмысленную гонку вооружений. Конечно, американский (и в меньшей степени, европейский) истеблишмент холодной войны несет равную ответственность за включение в конфронтацию, за разработки ядерного оружия и за построение двухполюсной симметрии в целях мирового господства.* Однако без сплоченности, силы и угрожающего фасада Советской власти западное общество и общественное мнение едва ли смирились бы с экспансией своих военно-промышленных комплексов и продолжением наглых колониальных предприятий, как стало видно после окончания холодной войны. Более того, строительство сверхдержавы без опоры на продуктивную экономику и открытое общество оказалось невозможным поддерживать в долгосрочной перспективе, Россию и другие советские республики разоряли без очевидной выгоды для их народов, если исключить отсутствие безработицы и некоторое улучшение жилищных условий в период 1960-1980 гг. — период, который в России теперь многими идеализируется по причине отчаянной ситуации, в которой оказались большие сегменты населения в процессе неуправляемого перехода к дикому капитализму.

Однако самой жестокой исторической иронией было издевательство, в которое коммунистическое государство превратило ценности человеческой солидарности, на которых воспитывались три поколения советских граждан. В то время, как большинство людей искренне верили в совместное преодоление трудностей и взаимопомощь в построении лучшего общества, они постепенно открывали и, наконец, поняли, что их доверием систематически злоупотребляла каста циничных бюрократов. Правда обнаружилась, и моральные раны, нанесенные народу Советского Союза, будут, вероятно, болеть долгое время: чувство, что жизнь прожита впустую; что обесценены человеческие ценности, лежащие в основе повседневных усилий. Цинизм и насилие пронизывают все общество, а надежды, вдохновленные демократией после краха Советов, быстро испарились. Последовательные неудачи советского эксперимента, *перестройки* и демократической политики 90-х годов принесли разруху и отчаяние на землю России и бывших Советских республик.

Что касается интеллектуалов, наиболее важный политический урок, который нужно усвоить из коммунистического эксперимента — это фундаментальная дистанция, которую нужно сохранять между теоретическими эскизами и историческим осуществлением политических проектов. Короче говоря, все Утопии ведут к Террору при серьезных попытках их осуществления. Теории и неотделимые от них идеологические сказки могут быть (и были) полезными инструментами для понимания и, следовательно, для направления коллективных действий, но толь-

* История холодной войны полна событий, показывающих, как два военных блока постоянно подкармливали свою собственную оборонную паранойю, выходя за все разумные пределы. Иллюстрация этого менталитета, слишком быстро забытая, — это разоблачение тайны советских подводных лодок в шведских водах. Как, может быть, кое-кто помнит, более чем два десятилетия шведские военно-морские силы, поддерживаемые западным альянсом, заявляли, что морские границы страны постоянно нарушаются советскими подводными лодками, и регулярно забрасывали их глубинными бомбами, показывая это по телевидению по всему миру. Только в 1995 г Швеция подтвердила «неприятный факт: что ее силы обороны охотились за выдрами, а не русскими подводными лодками... Новые гидрофоны, введенные в шведском флоте в 1992 г., показали, что выдры могут вызывать звуковые структуры, подобные структурам субмарины» (116). О судьбе выдр в сообщении ничего не говорилось.

ко как инструменты, которые всегда нужно настраивать и исправлять в соответствии с опытом, и никогда — как схемы, которые нужно воспроизвести во всей их элегантно́й связности, в несовершенном, но удивительном человеческом мире из плоти и крови. Потому что такие попытки есть в лучшем случае цинические рационализации личных или групповых интересов. В худшем случае, когда в них и вправду верят, и они осуществляются верующими, эти теоретические конструкции становятся источником политического фундаментализма, который всегда содержит зародыш диктатуры и террора. Я не проповедую плоский политический ландшафт, свободный от ценностей и страстей; мечты и проекты — это материал, из которого делаются социальные изменения. Чисто рациональный, эгоистичный «безбилетник» (free rider) всегда остается дома и позволяет «другим» производить исторические изменения. Единственная проблема с такой установкой (соответствующей оптимальному варианту «экономически рационального выбора») состоит в том, что она подразумевает коллективные действия со стороны других. Иными словами, это форма исторического паразитизма. К счастью, в истории редко встречаются построенные паразитами общества, именно потому, что сами паразиты слишком эгоистичны, чтобы включиться в это дело. Общество формируется и всегда будет формироваться социальными акторами, мобилизованными вокруг интересов, идей и ценностей в открытом конфликтном процессе. Социальные и политические изменения есть то, что, в конечном счете, определяет судьбу и структуру общества. Таким образом, советский опыт показывает не потребность в неполитическом, свободном от ценностей процессе социальной трансформации, но необходимую дистанцию и напряженность между теоретическим анализом, системами представительства в обществе и реальной политической практикой. Относительно успешная политическая практика всегда перехлестывает через границы истории, не пытаясь прогрессировать скачками и прыжками, но приспособляясь к контурам социальной эволюции и принимая медленный процесс трансформации человеческого поведения. Этот аргумент не имеет ничего общего с разницей между реформой и революцией, когда материальные условия и субъективное сознание трансформируются в обществе в целом до такой степени, что институты не соответствуют более таким условиям; тогда революция (мирная, немирная или промежуточная) является частью нормального процесса исторической эволюции, как показывает случай с Южной Африкой. Когда же авангарды, которые почти неизбежно являются интеллектуальными авангардами, нацеливаются на ускорение исторического темпа за пределами того, что общества могут вынести на деле, чтобы удовлетворить и свою жажду власти и жажду осуществления своей теоретической доктрины, они могут победить и переформировать общество только при условии, если калечат души и пытаются тела людей. Уцелевшие интеллектуалы могут тогда в тишине своих библиотек задуматься над эксцессами искаженной революционной мечты. Однако главный урок советского опыта состоит в том, что революции или реформы слишком важны и слишком дорого обходятся в человеческих жизнях, чтобы оставлять их на попечение мечтам или теориям. Найти и пройти общий путь своих собственных жизней, используя любые доступные инструменты, включая теоретические и организационные, — дело самих людей. Искусственный рай вдохновленной теориями политики должен быть похоронен навсегда в одной могиле с советским государством. Ибо самым важным уроком коллапса коммунизма является понимание, что нет смыс-

ла истории вне истории, которую мы ощущаем.

Есть также важные уроки, которые нужно извлечь для социальной теории вообще и теории информационного общества в частности. Процесс социального изменения формируется исторической матрицей общества, в котором он имеет место. Так, источники динамики этатизма стали одновременно его структурными ограничениями и детонаторами противоречивых процессов в системе. Захват общества и экономики государством позволяет осуществить полную мобилизацию человеческих и материальных ресурсов для задач власти и идеологии. Однако это усилие экономически расточительно, потому что оно не имеет встроенных ограничений в использовании и распределении дефицитных ресурсов. А социально его можно поддерживать только пока гражданское общество либо подчинено откровенным принуждением, либо его роль сведена к пассивной роли — работать и служить обществу на самом низшем из возможных уровней. При этатизме, как только общество становится активным, оно также становится непредсказуемым в своем отношении к государству. Само государство ослаблено своей неспособностью мобилизовать своих поданных, которые отказывают ему в сотрудничестве либо через сопротивление, либо через уход (withdrawal).

Советский этатизм в историческом контексте перехода к информационализму столкнулся в управлении экономикой и обществом с особенно трудной задачей. К внутренне присущим командной экономике расточительным тенденциям и к пределам, навязанным обществу структурным приоритетом военной мощи, было добавлено давление приспособления к специфическим формам информационализма. Парадоксально, что система, построенная под знаменем развития производительных сил, не смогла справиться с самой важной технической революцией в человеческой истории. Это произошло потому, что характерное для информационализма симбиотическое взаимодействие между социально детерминированной обработкой информации и материальным производством стало несовместимым с государственной монополией на информацию и с замыканием технологий в рамках производства вооружений. На уровне организаций структурная логика вертикальной бюрократии устарела из-за информационального тренда к созданию гибких сетей, примерно также, как это случилось на Западе. Но в отличие от Запада вертикальная командная иерархия составляла ядро системы, делая трансформацию крупных корпораций в новые формы сетевых деловых организаций намного более трудной. Более того, советские менеджеры и бюрократы открыли гибкость и сети как организационную форму, но они применили ее к развитию теневой экономики, подорвав, таким образом, способность командной экономики контролировать хозяйство изнутри, увеличив разрыв между институциональной организацией советской системы и функциональными требованиями реальной экономики.

Более того, информационное общество не является надстройкой новой технологической парадигмы. Оно основано на исторической напряженности между материальной мощью абстрактной обработки информации и обществом, которое ищет значимые культурные идентичности. В обоих отношениях этатизм, похоже, не способен справиться с новой историей. Он не только душит способность к технологической инновации, но и присваивает и переопределяет исторически укорененные идентичности, чтобы растворить их в единственно важном процессе построения власти. В конечном счете, этатизм становится бессильным в мире, где способность общества постоянно обновлять информацию и воплощающую ин-

формацию технологию является фундаментальным источником экономической и военной мощи. Этатизм также ослаблен и в конечном счете разрушен своей неспособностью создавать легитимность на основе идентичности. Абстракция государственной власти, опирающейся на быстро тускнеющую идеологическую конструкцию, не может вынести проверку временем перед лицом двойного вызова исторических традиций и индивидуальных желаний.

Однако, несмотря на эти фундаментальные структурные противоречия, советский этатизм рухнул не под натиском социальных движений, рожденных из этих противоречий. Важный вклад советского опыта в общую теорию социальных изменений состоит в том, что при некоторых обстоятельствах социальные системы могут исчезать в результате своих собственных пороков, не претерпев умышленных повреждений со стороны сознательно мобилизованных социальных акторов. Таким обстоятельством кажется историческая работа государства по разрушению основ гражданского общества. Это не значит, что мозаика обществ, которая образовывала Советский Союз, не была способна к политическому бунту, социальному мятежу или даже революционной мобилизации. В самом деле, националистическая мобилизация Балтийских республик или массовые демократические демонстрации в Москве и Ленинграде весной 1991 г. показали существование активного политического сознания части городского населения, жаждущей опрокинуть Советское государство. Однако налицо было не только мало политических организаций, но, что более важно, не было последовательного позитивного социального движения, имеющего альтернативные взгляды на политику и общество. В лучшем своем выражении российское демократическое движение к концу существования Советского Союза было движением за свободу слова, характеризуемым, главным образом, восстановлением способности общества заявлять о себе и высказываться. В своем основном русле российское демократическое движение было коллективным отвержением опыта, которое общество пережило, без дальнейшего утверждения ценностей, отличных от путаной реконструкции основных исторических национальных идентичностей. Когда явный враг (советский коммунизм) развалился, когда материальные трудности переходного периода привели к ухудшению повседневной жизни и когда серая реальность убогого наследства, полученного после семи десятилетий ежедневной борьбы, была осознана бывшими советскими людьми, отсутствие коллективной альтернативы за пределами факта, что они стали «бывшими», распространило политическую путаницу в мозгах и благоприятствовало дикой конкуренции в гонке за индивидуальное выживание во всем обществе.

Последствия крупного социального изменения, вытекающего скорее из распада системы, чем из строительства альтернативного проекта, можно чувствовать в болезненном наследстве, которое Россия и бывшие советские общества получили от советского этатизма и от пороков политики *перестройки*. Экономика потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров ради выгод *номенклатуры*, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных русских экономистов, которые внезапно оказались на командных постах; вследствие паралича демократического государства в результате запутанных интриг между политическими фракциями, где царили личные амбиции. Все это привело к невыносимым страданиям народа. Криминальная экономика выросла до пропорций, невиданных в крупной индус-

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

триальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене. Близорукая политика США, на самом деле нацеленная на то, чтобы прикончить Русского Медведя в мировой политике, породила ответную националистическую реакцию, угрожая снова развязать гонку вооружений и международную напряженность. Националистическое давление в армии, политические маневры в ельцинском Кремле и криминальные интересы во властных коридорах привели к катастрофической авантюре Чеченской войны. Демократы у власти потерялись между верой новообращенных в силу рынка и своей макиавеллистской стратегией, предназначенной для кулуаров политического истеблишмента, но, в общем, не имеющих ничего общего со знанием базовых условий жизни изувеченного населения, рассеянного по огромной территории все более теряющей структуру страны.

Наиболее прочным наследством советского этатизма будет разрушение гражданского общества после десятилетий систематического отрицания его существования. Сведенные к сетям первичной идентичности и индивидуального выживания русский народ и народы бывших советских обществ должны будут пройти через восстановление своей коллективной идентичности в мире, где потоки власти и денег пытаются дезинтегрировать возникающие экономические и социальные институты еще до того, как они окончательно оформились, чтобы поглотить эти институты в своих глобальных сетях. Нигде идущая борьба между глобальными экономическими потоками и культурной идентичностью не является более важной, чем на обширном пустыре, созданном коллапсом советского этатизма на историческом переднем крае информационного общества.

Перевод с английского — Б. Верпаховский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Menshikov S. Catastrophe or Catharsis? The Soviet Economy Today. Moscow and London: Inter-Verso, 1990.
2. Aganbegyan A. The Economic Challenge of Perestroika. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1988.
3. Gorbachev and Glasnost: Viewpoint from the Soviet Press / Ed. by Tarasulo I. T. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources Books, 1989.
4. Van Regemorter J.-L. D'une perestroika a l'autre: L'evolution economique de la Russie de 1860 a nos jours. P.: SEDES, Les Cours de la Sorbonne, 1990.
5. Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth: Penguin, 1969/1982.
6. Bergson A. Productivity and the Social System: the USSR and the West. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.
7. Goldman M.I. USSR in Crisis: the Failure of an Economic System. N. Y.: W.W. Norton, 1983.
8. Thalheim K. Stagnation or Change in the Communist Economies? (with a note by Gregory Grossman). L.: Center for Research in Communist Economies, 1983.
9. Palazuelos E. La economia sovietica mas alia de la perestroika. Madrid: Ediciones de Ciencias Sociales, 1990.
10. CIA, Directorate of Intelligence. Measures of Soviet GNP: Problems and Solutions. A Conference Report. Washington, DC: CIA. 1990.
11. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991.

-
12. Harrison M. Soviet Economic growth since 1928: the alternative statistics of G.I. Khanin. *Europe-Asia Studies*. 1993. 45 (1).
 13. Trotsky L. *La Revolution Russe* (trans. From Russian). P.: Masppero, 1965.
 14. Soviet Nationalities Policy in Practice / Ed. by Conquest R. NY.: Praeger, 1967.
 15. Conquest R. *The Great Terror*. N. Y: Oxford University Press, 1968.
 16. Cohen S. *Bukharin and the Bolshevik Revolution*. N.Y.: Alfred Knopf, 1974.
 17. Antonov-Ovseyenko A. *The Tine of Stalin*. NY: Harper and Row, 1981.
 18. Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917-23*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
 19. Johnson D. Gale and McConnell Brooks K. *Prospects for Soviet Agriculture in the 1980s* Bloommgton, Ind.: Indiana University Press, 1983.
 20. Kornai J. *Contradictions and Dilemmas: Studies on the Socialist Economy and Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
 21. Kornai J. *Vision and Reality, Market and State*. NY: Routledge, 1990.
 22. Nove A. *The Soviet Economic System* L.: Allen and Unwin, 1977.
 23. Desai P. *Perestroika in Perspective: the Design and Dilemmas of Soviet Reforms*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989.
 24. Cave M. *Computers and Economic Planning: the Soviet Experience*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
 25. Jasny N. *Soviet Industrialization, 1928-1952*. Chicago: University of Chicago Press, 1961.
 26. *The Disintegration of the Soviet Economic System* / Ed. by Ellman M. and Kontorovich V. L.: Poutledge, 1992.
 27. Soviet industrialization reconsidered: some preliminary conclusions about economic development between 1926 and 1941 / Ed. by Wheatcroft S.G, Davies R.W. and Cooper, J.M. // *Economic History Review*. 1986. 39, 2.
 28. Goldman M. I. *Gorbachev's Challenge: Economic Reform in the Age of High Technology*. NY: W.W. Norton, 1987.
 29. Weitzman ML. Soviet postwar economic growth and capital-labor substitution // *American Economic Review*. 1970. 60(4).
 30. Desai P. *The Soviet Economy: Problems and Prospects*. Oxford: Blackwell, 1987.
 31. Holzman F. D. *International Trade under Communism*. N. Y.: Basic Book, 1976.
 32. Maresse M. and Vanous J. *Soviet Subsidization of Trade with Eastern Europe: a Soviet Perspective*. Berkley: University of California, Institute of International Studies, 1983.
 33. Среди других источников см.: Korovkin W. *Die wirtschaftsbeziehungen Russland zu den Staaten der ehemaligen UdSSR. Osteuropa*. 2 (February). 1994.
 34. Volin L. *A Century of Russian Agriculture: from Alexander II to Khrushchev* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
 35. Scherer J.L. and Jakobson M. The collectivization of agriculture and the Soviet prison camp system// *Europe-Asia Studies*. 1993. 45 (3).
 36. Голланд Е. Б. Научно-технический прогресс как основа ускорения развития народного хозяйства. Новосибирск: Наука, 1991.
 37. Анализ системного порождения дефицита в командной экономике см: Kornai J. *Economics of Shortage* Amsterdam: North-Holland, 1980.
 38. Grossman G. The second economy of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. 26.
 39. Grossman G. Informal personal incomes and outlays of the Soviet urban population. 1989.
 40. *From Brezhnev to Gorbachev: Domestic Affairs and Soviet Foreign Policy* / Ed. by Veen H.-J Leamington Spa: Berg, 1984.
 41. Steinberg D. *Soviet Defense Burden: Estimating Hidden Defense Costs* Washington, DC: Intelligence Decision Systems, research report, 1991.

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

42. The Impoverished Superpower / Ed. by Rowen H.S and Wolf Jr Ch. San Francisco: Institute for Contemporary Studies, 1990
43. Cooper J. The Soviet Defense Industry: Conversion and Reform L : 116. New York Times. 1995. 12 February. Pinter, 1991.
44. Gustafson Th. Reform in Soviet Politics. NY: Cambridge University Press, 1981.
45. Gerner K. and Hedlund St. Ideology and Rationality in the Soviet Model: a Legacy for Gorbachev. L.: Routledge, 1989.
46. Taibo C. La Union Sovietica (1917-1991). Madrid: Editorial Sintesis, 1993.
47. Kontorovich V. Lessons of the 1965 Soviet economic reform // Soviet Studies. 1988. 40, 2.
48. Mitchell R. J. Getting to the Top in the USSR: Cyclical Pattern in the Leadership Succession Process. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990.
49. Lewin M. The Gorbachev Phenomenon: a Historical Interpretation. Berkley: University of California Press, 1988
50. Walker M. The Waking Giant: Gorbachev's Russia. NY: Pantheon, 1986.
51. Amman R. and Cooper J. Technical Progress and Soviet Economic Development Oxford: Blackwell, 1986.
52. Castells M. and Natalushko S. La modernizacion tecnologica de las empresas de electromca y de telecomunicaciones en Rusia Madrid: UAM/IUSNT, research report, 1993.
53. Castells M. La fin de l'empire sovietique: le triomphe des nations. P.: Fayard, 1991
54. Castells M. and Hall P. Technopoles of the World: the Making of 21st Century Industrial Complexes. L : Routledge, 1994.
55. Agamirzian I. Computing in the USSR //BYTE. 1991. April.
56. Wolcott P. and Goodman S.E. Under the stress of reform: high-performance computing in the Soviet Union // Communications of the ACM. 1993. 36 (10).
57. Wolcott P. Soviet advanced technology: the case of high-performance computing / Unpublished PhD dissertation. Tucson: University of Arizona, 1993.
58. Doucette D. The restructuring of the telecommunications industry in the former Soviet Union / Unpublished PhD dissertation. Berkley: University of California, 1995.
59. US Department of Defense. Critical Technologies Plan. Washington, DC: Department of Defense, 1989.
60. Alvarez Gonzalez M.I. La reconversion del complejo industrial-militar sovietico / Unpublished thesis. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid, Departamento de Estructura Economica, 1993.
61. Malleret T. and Delaporte Y. La conversion des industries de defense de Гex-USSR // Le Courrier des Pays de l'Est. 1991 November
62. Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: the History of a National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1988
63. Афанасьев В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. М : Наука, 1972.
64. Дряхлов Н. И. и др. Научно-техническая революция и общество. М.: Наука, 1972.
65. Fortescue St. The Communist Party and Soviet Science. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.
66. Smith G. B. Soviet Politics: Struggling with Change. NY: St. Martin's Press, 1992.
67. Soviet Science and Technology / Ed by Thomas J. and Cruse-Vaucienne Ur Washington, DC National Science Foundation, 1977.
68. Fortescue St. The Communist Party and Soviet Science. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1986.
69. Sapir J. Le Systeme militaire sovietique. P.: La Decouverte, 1987.
70. Audigier P. Le poids des depenses de de fense sur l'economie sovietique. Defense Nationale, 1989.

-
71. Alexander A.J. The Conversion of the Soviet Defense Industry. Santa Monica, C A: Rand Corporation, 1990.
 72. Kaldor M. The Baroque Arsenal, NY.: Hill and Wang, 1981.
 73. Sandholtz W. et al. The Highest Stakes: Economic Foundations of National Security. NY.: BRIE/Oxford University Press, 1992.
 74. Hutching R. Soviet Science, Technology, Design. L.: Oxford University press, 1976.
 75. Andrew Ch. and Gordievsky O. KGB: the Inside Story of its Foreign Operation from Lenin to Gorbachev. L.: Hodder and Stoungton, 1990.
 76. Berliner J.S. The Innovation Decision in Soviet Industry. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
 77. Aganbegyan A. Inside Perestroika: The Future of the Soviet Economy. N. Y: Harper and Row, 1989.
 78. BYTE. 1991. April.
 79. Kassel S. and Campbell C. The Soviet Academy of Sciences and Technological Development. Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1980.
 80. Казанцев С. Оценка экономического эффекта НТП в системе централизованного управления научно-техническим прогрессом // Технологический прогресс и экономическое развитие / Под ред. Голанд Е. и Рыбакова Т. Новосибирск: Наука. 1991.
 81. Smaryl O. I. New technology and the Soviet predicament // Survey. 1984. 28(1).
 82. Taibo C. Las fuerzas armadas en la URSS / Unpublished PhD dissertation. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid, 1993.
 83. Nekrich A. M. The Punished Peoples: the Deportation and Tragic Fate of Soviet Minorities at the End of Second World War. NY: W.W. Norton, 1978.
 84. Motyl A. M. Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity, and Stability in the USSR. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987.
 85. Lane D. Soviet Society under Perestroika. L.: Unwin and Hyman, 1990.
 86. Simon G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: from Totalitarian Dictatorship toward Post-Stalinist Society. Boulder, Colo.: Westview Press, 1991.
 87. Carrere d'Encausse H. La fin de l'empire sovietique: le triomphe des nations. P.: Fayard, 1991.
 88. Khazanov A. M. After the USSR: Ethnicity, Natinalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. Madison: University of Wisconsin Press, 1995.
 89. Suny R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1993.
 90. Jowitt K. Revolutionary Breakthrough and National Development: the Case of Romania, 1944-65. Berkley: University of California Press, 1971.
 91. Singh T. The Soviet Federal State: Theory, Formation and Development. Delhi: Sterling, 1982.
 92. Hill R. The Soviet Union: Politics, Economics and Society. From Lenin to Gorbachev. L.: Pinter, 1985.
 93. Kozlov V. The peoples of the Soviet Union. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1988.
 94. Carrere d'Encausse H. Le grand defi: Bolcheviks et nations, 1917-30. P., Flammarion, 1987.
 95. Nationalism and the Breakup of an Empire: Russia and its Periphery / Ed. by Rezun M. Westport, CT: Praeger, 1992.
 96. Салмин А. М. СНГ : состояние и перспективы развития. Москва: Фонд Горбачева, 1992.
 97. Гранберг А. Политика и ученые, которые занимаются ею по долгу службы // ЭКО. 1993. №4.
 98. Mace J.E. Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918-33. Cambridge, MA: Harvard Ukrainian Research Institute, 1983.
 99. Soviet Union: the Challenge of Chance / Ed. by Wright M. Harlow, Essex: Longman, 1989.
 100. Старовойтова Г. Лекция в Центре славянских и восточно-европейских исследований Университета в Беркли. Февраль 1994. (Заметки Э. Киселевой).
 101. Granberg A The national and regional commodity markets in the USSR: trends and contra-

М. КАСТЕЛЬС, Э. КИСЕЛЕВА
Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза

- dictions in the transition period // Papers in Regional Science. 1993. 72(1).
102. Granberg A. and Spehl. H. Regionale Wirtschaftspolitik in der UdSSR und der BRD / Report to the Fourth Soviet-West German Seminar on Regional, 1989
- 103 Castells M. La nueva revolucion rusa. Madrid: Sistema, 1992.
104. Castells M., Shkaratan O. and Kolomietz V. El impacto del movimiento politico sobre las estructuras del poder en la Russia post-comumsta. Madrid: UAM/IUSNT, research report, 1993.
105. Kaiser R. G. Why Gorbachev Happened: his Triumphs and his Failures. NY: Simon and Schuster, 1991.
106. Remnick D Lenin's Tomb: the Last Days of the Soviet Empire. N.Y.: Random House, 1993.
- 107 Survey. The Novosibirsk Report // Survey 28(1). 1984.
108. Документированный анализ перехода от Брежнева к Горбачеву см.: Breslauer G.W. Soviet economic reforms since Stalin: ideology, politics, and learning // Soviet Economy. 1990. 6(3).
- 109 Aslund A. Gorbachev's Struggle for Economic Reform. Ithacca, NY: Cornell University Press. 1989.
- 110 Handelman S The Russian Mafia // Foreign Affairs 1995 73(2).
111. Verdery K. Theorizing Socialism: a prologue to the "transition" // American Ethnologist. 1991. August.
112. Szelenyi I The intelligentsia in the class structure of state-socialist societies // Marxist Inquiries, special issue of the American Journal of Sociology. 1982. 88.
- 113 Kuleshov V. and Castells M (directors) Problemas socio-economicos del complejo de gas y petroleo en Siberia Occidental en el contexto del la reforma economica. Madrid: UAM/IUSNT. research report. 1993. (Первоначальный отчет имеется на русском языке и с ним можно ознакомиться в издании Института экономики промышленного производства РАН. Сибирское отделение. Новосибирск, 1993)
114. Kiselyova E., Castells M. and Granberg A. The Missing Link: Siberian Oil and Gas and the Pacific Economy. Berkley, CA: University of California, Institute of Urban and Regional Development, Research Monograph, 1996.
- 115 Превосходный журналистский отчет о влиянии СМИ на распад СССР см.: Shane S. Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union. Chicago: Ivan R. Dee, 1994.
- 116 New York Times. 1995. 12 February
117. Carrere d'Encausse H. L'empire eclate. P.: Flammarion, 1978.